

ГИДАЯТ

ЗДЕСЬ ТЬМА ПОЛЧИЩ ПРОНЕСЛАСЬ*

Главы из книги

До сих пор помню ту весеннюю ночь, полную волнения, тревоги, беспокойства, когда я ехал поездом со станции Мыгры (Мегри) в Иреван (Ереван) по приглашению республиканской газеты «Совет Эрменистаны». Девятичасовая дорога сквозь ночную темень вдоль берега Араза запечатлелась в моей памяти как незабываемое путешествие. И мне эта дорога всегда представлялась самым долгим, самым удивительным странствием, ясным по цели и одновременно уводящим в неизвестность. Путь в поезде «Зангезур».

Впоследствии мне частенько доводилось отправляться в дальнюю дорогу, много ночей я провел в поездах и самолетах, но ни одно странствие не могло сравниться с той весенней ночной дорогой вдоль берега Араза, залитого лунным сиянием, окружённого игрою причудливых теней. Я ехал по древней отчей земле нахчыванской! И по ту, и по эту сторону реки простирался Азербайджан!

В детские годы я нередко посещал Ордубад, пару раз бывал и в Нахчыване, и твердо был убежден, что Нахчыван – одна из древнейших столиц Азербайджана, редкостная жемчужина. Понятие «столица» означает ведь не только центральный, административный город страны; это зеркало, средоточие духовности нации, прародитель её.

Тогда, в детстве, я ещё не читал старинных книг, позднее, когда взялся перелистывать их, многие строки показались мне знакомыми. Так бывает, когда сызмала разлучённый с матерью человек спустя много лет случайно уже взрослым где-то встречается с ней и каким-то наитием, шестым чувством, узнаёт в женщине ту, что дала ему жизнь...

В моем понимании все выглядело так: Мыгры беспощадно оторвали от родной матери и отдали Армении, создали искусственные мосты, чтобы Армения вышла на Иран, чтобы отделить Азербайджан от Азербайджана, чтобы армяне впервые в советское время вышли на театральную площадь и стали кричать: «Нахчыван наш!», «Гарабах наш!», «Карс наш!», «Сарыгамыш наш!», «Ван наш!», что и, собственно, произошло пятьдесят лет тому назад – 24 апреля 1965 года.

В те дни я работал учителем в Маралземи. Мы часто звонили в Иреван и интересовались ситуацией. Помимо общего беспокойства, нашу семью тревожил еще один серьезный вопрос – там жил мой дядя, аксакал западных азербайджанцев, и ожидалось нападение на его жилище. Нападение было запланировано, но поскольку квартира дяди находилась в здании, где жили высокопоставленные государственные мужи, то оно охранялось и, усилив охрану, нападение удалось предотвратить. Об этом в Мыгры знали. На «Вечере дружбы», проведенном в те дни в селе Лехвас с участием представителей общественности района, старый большевик по имени Магеррам Мамедов даже сказал об этом в лицо руководителям района.

Те события произвели переворот в нашем сознании, в наших сердцах.

Испокон веку зарились на нахчыванскую землю чужие и завистливые глаза, но они получали достойный отпор от сынов этой земли. Доблесть, честь и отвага всегда были щитом от захватчиков, их защитой от супостатов. Возможно, скептики сочтут эти мои строки поэтической фигурой. Но я уверен: мое мнение совпадает с мнениями историков и этнографов, просто они пишут об этом на своем языке, а я – на своем.

* Журнальный вариант. Топонимы Западного Азербайджана (ныне Армения) даны в орфографии автора

Была мартовская ночь 1966 года. Наутро мне предстояла встреча с редактором газеты «Совет Эрменистаны» Габибом Гасановым. Теперь, оглядываясь на прошлое, вспоминая ту ночную дорогу, перебирая в памяти восемнадцать прожитых в Иреване лет, месяцы, дни, мгновения тех времён, я с благодарностью думаю, в первую очередь, именно об этом человеке – Габипе Гасанове. И если я внёс хоть малую лепту в развитие азербайджанской культуры, литературы, в прогресс национального театра в Западном Азербайджане, вероломно ныне называемом «Армения», то этими маломальскими заслугами я обязан ему, Габипу Рагим оглу Гасанову.

...Ещё учительствуя в селе, я посылал в газету «Совет Эрменистаны» свои пробы пера (очерки, стихи, литературные портреты). Можно сказать, что меня не печатали. В конце концов я перестал писать в редакцию. Честно говоря, обиделся не на шутку. И вот в один прекрасный день получаю очень удивившее меня письмо от редактора: меня приглашали в Иреван на собеседование. Мне не были известны ни тема разговора, ни цель этого приглашения.

Ночь я провел в поезде, а рано утром был уже в кабинете редактора. Тот разговор врезался в память мою во всех подробностях, вплоть до каждого вопроса, до каждой интонации. При нашей беседе с редактором присутствовали и члены редколлегии.

В те годы мои литературные предпочтения и интересы, оглашённые на заседании редколлегии партийного органа, – Физули, Шекспир, обожание Джалила Мамедкулизаде, восхищение знаменитым сатирическим журналом «Молла Насреддин» – не должны были повысить моё «реноме» в глазах пишущей братии. И хотя кое-кто из присутствовавших тружеников пера смотрел на меня с интересом, на лицах остальных ясно сквозили неопределенность, удивление, апатия. И редактор, почувствовав это, прервал расспросы и сменил тему разговора:

– Мы читаем ваши корреспонденции. Конечно, у нас не всегда есть возможность публиковать подряд все ваши послания. А вообще журналист из вас получится. Надо только серьёзно работать над собой...

Затем редактор завёл речь о профиле партийной газеты, о некоторых проблемах журналистики. Я слушал его, иногда высказывал своё мнение. Я не знал, куда повернет эта беседа, чем завершится наша встреча, но понимал, что вскоре моим волнениям придёт конец, и всё проявится. Действительно, мои тревоги длились недолго. Редактор, в русле общей тональности разговора, задал мне как бы обычный вопрос:

– Хотели бы вы работать у нас?

Такого предложения я никак не ожидал. Поначалу думал, что меня вызвали с целью заказать мне какой-то материал.

Когда прошлись по моим анкетным данным, я предположил, что, может, редактор хочет назначить меня внештатным корреспондентом. Но сразу отмахнулся от этой мысли. Ничего моего не печатают, куда же меня в корреспонденты. Даже если и во внештатники.

«Хотели бы вы работать у нас?» – этот вопрос в мгновение ока привел моё сознание в полную боеготовность:

– Конечно!

– А семья не будет возражать?

– Нет!

– В течение трех лет мы выделим тебе квартиру, – похоже, разговор у нас удался, и редактор запросто перешёл на «ты», – но пока тебе придётся жить квартирантом. Как только переберёшься сюда, позаботимся о твоей прописке...

Откровенно говоря, в тот момент меня не интересовали ни квартира, ни прописка. Работа в газете была моей давней заветной мечтой. Редакция представлялась мне идеальной средой, мне казалось, что в ней работают необыкновенные люди.

– ...Пока поработаешь в должности литсотрудника. Обычно в газете, прежде чем перейти на творческую работу, начинают с корректуры. По-моему, работая литсотрудником, ты сможешь освоить и работу корректора.

В заключение редактор пообещал мне обратиться с письмом к нашему районному начальству и официально пригласить меня на работу.

Я не нашёл путных слов, чтобы толком выразить свою благодарность...

Вскоре было написано письмо в райком. На рассмотрение вопроса и окончательное решение ушло два с половиной месяца.

К тому времени в райкоме был назначен новый первый секретарь. Он пока решал вопросы поважнее моего. Новый руководитель объезжал села, интересовался экономикой, знакомился с хозяйством, настроением населения, кадрами. В моё родное село он приехал по прошествии изрядного времени.

Всех должностных лиц вызвали в правление колхоза. И меня в том числе, как директора школы. В школе было четыре класса, 46 учеников, два учителя, две уборщицы. Едва я вошёл в правление, второй секретарь райкома Али Джафаров шепнул новоназначенному первому секретарю:

– Вот товарищ, которого пригласили в Иреван.

Первый секретарь среагировал недовольно:

– Выходит, у нас кадров в избытке?

Сельчане рассказывали новому секретарю о своих заботах. Один сетовал на маленькую зарплату, другой – на неправильный подсчёт пенсии, третий просил помочь со стройматериалами для строительства дома, кто-то хотел приобрести холодильник, мебель, – тогда это были дефицитные товары. Первый секретарь терпеливо выслушивал всех, звонил по телефону в райцентр, в разные учреждения и организации, давал поручения, на месте решал многие вопросы, а остальные брал на заметку. Разговор затянулся. А у меня на душе кошки скребут, сижу и думаю: как же дело обернётся, если «первый» упрётся... В те времена первые секретари имели солидные полномочия: стоило им возразить по какому-либо поводу, высказать протест – и приходилось согласовывать вопрос с центром. Наконец первый секретарь обратился ко мне:

– А у вас, молодой директор, неужели нет никаких пожеланий, требований?

– Нет, товарищ секретарь.

Он задал пару вопросов насчёт сельской школы. Я ответил без энтузиазма.

Затем председатель колхоза Азиз пригласил к себе домой секретарей райкома и меня. Зашли, сели за стол, только приступили к трапезе, как новый первый секретарь неожиданно произнёс здравицу:

– Обычай таков, что первый тост посвящают, как правило, очагу, гостям. Но я хочу, извинившись перед всеми, сделать исключение... Я пью за здоровье этого молодого человека. – Остальные слова он адресовал мне: – Я уже несколько часов нахожусь в вашем селе. Я обратил внимание, что вы в этом селе – действительно человек «лишний», вам место не здесь. До сих пор я никому не чинил препятствий. Доброго пути!

Это было за три дня до моей поездки в Иреван. Тогда, в мартовскую ночь 1966 года, созерцая из окна вагона состава «Зангезур» очертания противоположного берега Аракса и размышляя о переломном моменте в моей жизни, о расставании с селом, я с чувством признательности вспоминал дорогих земляков, и... не думал тогда, не гадал, что пройдут годы, и ныне радостно покидаемый мною Мыгры, каждое дерево, каждая башня этой древней земли, каждый её источник, валун, камень обернутся в моём сердце нескончаемой щемящей песней...

***

Посёлок Мыгры раскинулся на южном зангезурском подолье и тянется по побережью Араза узкой полосой между Ордубадом и Зангиланом. Окрестный рельеф сменяется по широкому регистру, от равнинных плодородных почв поднимаясь на горные зйлаги – пастбищные просторы. В этом благодатном уголке радуют глаз всевозможные плодовые угодыя. Ещё в двадцатые-тридцатые годы жители этого обжитого и ухоженного края стали подвергаться

депортации; большинство азербайджанских сёл были вынуждены переселиться: Тагамир, Веношапуч, Бугакяр, Пушгях. Одно из сёл – село Тэй – уже на исходе пятидесятих годов было выселено у меня на глазах под предлогом так называемого «укрупнения». Между тем, перечисленные зангезурские веси никогда не являлись забытой глухоманью. Здесь кипела жизнь, цвели сады, трудились рачительные, работающие люди. Но подули холодные ветры лихолетья... Опустели нивы, высохли родники, осиротели сады, поросли бурьяном могилы и поникли надгробья, тоскуя по дыханию родных людей...

Почти все депортированные сёла были древними поселениями азербайджанцев. Многие из них были разорены и опустошены еще в 1918-1920 годах, когда Андраник двинул войска на Зангезур. Большие густонаселённые села уменьшились после этого нашествия. Большинство беженцев, спасаясь от расправ, устремились горными тропами, через глухие чащи подальше от опасности. Часть беженцев хлынула в Зангилан, а другая часть устремилась через перевалы к Ордубаду и расселилась там.

Многие погибли в дороге. Привыкшие к горному климату люди не прижились в степной зоне, многие не выжили в условиях низины. Люди не выдерживали потрясений изгнания. Кое-кто из беженцев, потерявших родителей, вернулись к покинутым и разорённым очагам доживать свой век... Один из них, аксакал Бадал-киши, доживший до ста десяти лет, вспоминал: «У нас люди умирали в Чайларе (Зангиланский р-н). Я был тогда молод, потому и выжил». Слово «Чайлар» то и дело звучало у беженцев.

После упомянутых событий часть наших сёл исчезла с лица земли, остальные села обезлюдели и оскудели: Маралземи, Лёк (ныне переименованное в Вартанизор), Лехваз, Алдере, Нуведи...

Топонимы древнего Мыгры должны изучаться в органичной связи с другими локальными топонимами Ордубада, Зангилана, нынешнего Кафана (Капана). В этом отношении заслуживают внимания исследования жителя села Нуведи, педагога и поэта Гамзы Алиева, в своё время выступившего с докладом на эту тему в Институте истории Академии наук Азербайджана. Доклад Гамзы Алиева, при всех его спорных моментах, представляет собой несомненный научный интерес. В его научных изысканиях меня лично привлекли три значимых и принципиальных момента:

1. Высокая вершина Зангезура – гора Гапыджык и Прикованный Прометей.

2. Где находится крепость Базз?

3. Вопрос о местонахождении могил главного соратника Бабека Муавийе, могилы матери Бабека Бахруменде и его последней жены Ибнет аль-Келентерийе.

Гамза-муаллим предполагает, что античный герой Прометей был прикован цепями не к горе Кав (то есть на Кавказе), а к вершине горы Гапыджык (вершина находится на высоте 3904 метра над уровнем моря). Название этой вершины ассоциируется с топонимом Кафан, который и поныне в устном произношении как у армян, так и у азербайджанцев звучит видоизменённо – «Капан», а в письменном виде это слово запечатлено как «Кафан». Что же касается окончания «ан», то оно является постпозитивной частицей, обозначающей локальный адрес.

Безусловно, история о закованном Прометее, при всей мифологичности факта, не лишена художественного вымысла, но сама трактовка учёного вызывает интерес.

Крепость «Базз» – главный объект движения Бабека. В некоторых источниках название этой твердыни значителся как гора Баззейи или Баззейн, расположенная на востоке Мугани, на западном побережье Каспийского моря.

Имеется ещё несколько указаний координат этой древней цитадели: «Нагорная часть горы Гараджа» (В.Ф.Минорский); «На расстоянии в 90 миль от моста Худаферин и одноименного городка в северо-западной окрестности Ардебилля» (Е.Райт); «На юге Азербайджана, где-то в верховьях реки Гырх-су» (Зия Буниятов).

Группа студентов Иранского института искусств совершила экспедицию под руководством Джафара Рахнуна на территорию, указанную академиком З.Буниятовым, и побывала в трёх километрах от города Кялейбер в верховьях реки Беюк Карасу. В юго-западной части

экспедиция обнаружила руины безымянной твердыни – «Дежи-Базз» (крепость Базз).

Эти исследования не удовлетворили Гамзу Алиева, он продолжил изыскания и пришёл к выводу, что данная твердыня находилась на территории, именуемой некогда Страной Сюник, то есть, в нынешнем Кафанском районе, на склонах горы Гапыджык. При этом Гамза Алиев аргументировал своё заключение ссылками на научные источники.

Потерпев поражение в последней битве с Афшином, Бабек покидает крепость Баззейн через подземный ход и скрывается в непроходимом лесу Топ. Гамза Алиев прослеживает последние дни народного героя, опираясь на исторические данные, ориентируясь на логическую последовательность топонимов. Г.Алиев органично связывает эпизоды друг с другом, начиная с момента вероломного предательства Сахла Ибн-Сумбата, сдавшего Бабека Афшину, и, выстроив цепочку драматичных событий, приходит к выводу, что могилы близких легендарного героя – его соратника Муавийе, его матери Бахруменде и последней жены Ибнет аль-Келентерийе находятся в Мыгрынском районе, в древней усыпальнице «Баба Гаджи», в двух километрах к северу от башни, на отшибе села Астазур (ныне Шванидзор). Интересно, что эти три могилы, расположенные рядом, являются святилищем и для азербайджанцев (села Нуведи, Тугут, Алдере), и для армян (село Астазур).

По структуре могил видно, что средняя из них принадлежит мужчине, а те, что по краям – женщинам. Паломники-армяне утверждают, что одна из них была армянкой (подразумевается последняя жена Бабека – Ибнет Аль-Келентерийе, однако нет никаких фактов, подтверждающих её армянское происхождение, она просто христианка).

Наиболее почитаемое в нынешнем Мыгрынском районе святилище – Бугаляр. Сюда стекаются паломники не только из Мыгры, но и из Ордубада, Зангилана, Джульфы, Кафана...

На вратах грандиозной усыпальницы, сооружённой на подолье горы Алангез, написано: «Поклоняюсь памяти Султана Сеид-Ахмед-аги, сына Мусы Кязима благословенного».

Святилище «Бугаляр» ордубадцы всегда называли не иначе как «Буга-кябр». Из истории известно, что Бабек окружил Буга аль-Кябра и разгромил его в селе, носившем имя врага. Этот факт подтверждает и академик Зия Буниатов.

Напротив этого святилища, на вершине горы, в урочище Топ, среди скалистых круч бьёт родник, носящий имя «Сеид Ахмед».

Местные старожилы рассказывали, что когда строили усыпальницу, один из каменщиков, изведенный жарой и жаждой, вздохнул мечтательно: «Эх, испить бы родниковой воды и утолить жажду свою...» И вдруг, гласит предание, с небес снизошёл кумган с родниковой водой! И с тех пор этот благодатный родник стал именоваться Сеид Ахмед. Это легенда, а может быть, и реальность. Впрочем, противопоставление религии и реальности – давнишнее заблуждение людей...

Я сам испил воды из того благодатного родника, видел воочию монеты, вложенные в трещины скал. Самое интересное, что в последние годы буквально рядом с родником Сеид Ахмеда построена ретрансляционная башня. Туда приходят десятки чужих людей, специалистов, рабочих, но никто не трогает эти деньги. Так и накапливаются монеты прямо под открытым небом. Раз в год их собирают и уносят в усыпальницу Бугаляр.

Такова вера человеческая. Верующий не позарится на чужое. Не возьмёт греха на душу. Не будь вероломства, сколько же людей избавились бы от бед и невзгод, занявшись трудом праведным!

Долгие годы вера была у нас гонима, шёл «крестовой поход» против религии, а что мы обрели, не могу сказать... Но потерь у нас было немало...

***

«Детство моё прошло в благословенном городе Нахчыван, а окрест меня были Всевышний Аллах и Пророк...Справа – мечеть, слева – минбар, везде мулла и дервиш...» – с детских лет мне запомнились эти строки из «Автобиографии» Джалила Мамедкулизаде.

...Вот еще один эпизод из «Автобиографии» Джалила Мамедкулизаде: *«В памяти моей всплывает весть об убийстве Александра Второго народовольцами в Петербурге. Мне тогда*

было лет 11-12, я был учеником второго класса нахчыванской городской школы. Нас отпустили с уроков домой. Магазины и ларьки были закрыты. Собрали народ в мечети, и один молла стал прочувствованно говорить о добродетелях и славе убиенного монарха, да так, что расчувствовался сам и довел до слёз других. Затем прозвучала зауспокойная «марсие», и траур по царю-шехиду слился с плачем по имаму-шехиду...»

Когда скончался Иосиф Сталин (5 марта 1953 года), мне было девять лет. Но я ещё не учился в школе, дожидаясь сентября в надежде на формирование первого класса из второго-годников, чтоб туда попасть. Так оно, к моему счастью, и случилось: в итоге я все же пошёл в школу. Весть о кончине «отца народов» в нашем селе отозвалась общим трауром. Школьников отпустили по домам. До сих пор помню чёрные флаги в их руках, водружённые затем на стены сельского клуба и склада. Чуть раньше к нам домой зашла убитая горем моя двоюродная сестра Джавахир и произнесла сдавленным голосом: «Киши умер» (Сталин – **Ред.**).

По радио об этом уже сообщили, но наш приёмник был испорчен, и мы еще не знали об этом. Джавахир сперва сообщила новость своей бабушке и тёте. Вождя оплакивали и бабушка моя Зийнят-ханым, и сама Джавахир. Женщины так рыдали, что, казалось, умер их любимый человек, кровный родич, чуть ли не глава целой мехелле. Мы, малыши, не плакали, зато большинство взрослых сельчан заливались слезами. Никто не созывал людей в мечеть (их просто не было) или в клуб, не было речей, поминальных молитв, кто плакал, кто держал боль в себе, но всех, и плакавших и не плакавших, охватило потрясение, похожее на страх, панику. И все же люди опасались проявлять свои чувства, чтобы, чего доброго, не прослыть паникёрами.

Мир праху твоему, Мирза Джалил. Мало кто в моём зангезурском селе Маралземи знал, кто такой Александр Второй. Конечно, они знали, что у огромной державы – России – есть свой «падишах» – царь, и он благосклонно относится к мусульманам, потому как армян призывает на военную службу, а иноверных не беспокоит, однако лишь немногие могли знать, кто из них император – Александр Второй или Николай Первый. А вот Сталин... Его знали все, и любили все. Поэтому люди плакали не напоказ, а искренне, от души.

«Оказывается, и сам Сталин может умереть...», – причитала моя бабушка. Её бесконечное изумление и потрясение продолжались до той поры, пока не началась хрущёвская оттепель. В массовом сознании сложился образ Сталина как непогрешимой личности. Никто из моих земляков в Маралземи не видел, не слышал Сталина, мало кто читал его книги. А вот портрет вождя красовался в каждом доме. Сталин-портрет был живым образом.

Истину о реальном Сталине, не портретном, знал только он сам и, пожалуй, кое-кто из его окружения. Примечателен эпизод из жизни вождя. Василий Сталин был храбрым военным лётчиком, но нередко допускал непозволительные выходки, за что навлекал на себя недовольство знаменитого отца. Однажды сын услышал от разгневанного отца:

– Ты возомнил, что ты Сталин?! Думаешь, что я сам – Сталин? – и указал пальцем на свой портрет: – Вот он, Сталин!

Сталин лучше всех понимал и признавал все внутренние противоречия, знал недостатки режима, созданного им вместе с Владимиром Лениным, видел серьёзные расхождения, пропасть между собой и его безграничным авторитетом.

Это прозрение и понимание противоречий пришло к нам позже, когда рассеялись мифы, и из непредвзятых источников обнажилась истина. Даже после хрущёвских разоблачений культа личности Сталин-портрет продолжал жить, в том числе и в моём сознании, слишком долго: всю свою молодость я был ярким сталинистом.

Мир праху твоему, Мирза Джалил!

Таким я и увидел этот представший перед моими глазами мир: огромная страна, пережившая и победившая коричневую чуму – фашизм, отходила от потрясений войны и залечивала страшные раны, а тут – такое потрясение! Вся многоязыкая держава оплакивала вождя! Я увидел слёзы на глазах моих земляков-сельчан 5 марта 1953 года...

А ведь в сентябре мне, девятилетнему мальчику, предстояло наконец пойти в школу, и я дни считал, чтобы пойти в первый класс... А может, после Сталина и солнце перестанет

всходить? (Нет же, восход продолжался). И школ не будет? (Нет, будут!)

У гроба вождя выступали лидеры партии – Маленков, Хрущёв, Берия... Они клятвенно заверяли страну, что будут верны заветам ушедшего вождя, что построят коммунизм, превратят страну в рай (хотя в рай и ад не верили).

Итак, я пошёл в школу, а те, что окончили седьмой класс, поработав пару лет в колхозе, отправились на службу в армию. В те годы окончивших десятый класс были единицы, так как обязательное образование подразумевало семь классов. Выпускников начальной школы было у нас немного. Таков был закон. Это позже число выпускников десятого класса увеличилось.

Сельчане трудились, как говорится, не покладая рук, по 12–13 часов в день, а то и больше. По вечерам сходились в библиотеке. Завязывали разговоры про жизнь-бытьё, делились мнениями о прочитанном. Ворошить прошлое не очень любили, больше вели речь о будущем, обсуждали новости из Баку, Москвы. В библиотеке нашего маленького села (дворов 25–30) был хороший книжный фонд. Имелись и дастан «Деде Горгуд», и произведения Низами, Физули, Джалила Мамедкулизаде, и сборники сатирических стихов Сабира, и томики современных азербайджанских поэтов – Самеда Вургуня и Расула Рзы, и произведения русских и зарубежных классиков – Пушкина, Тургенева, Бальзака, Шекспира, Драйзера...

Масса переводной литературы, в том числе и образцы созданной в советский период литературы, «национальной по форме и социалистической по содержанию», что-то – читаемое и поныне, что-то – подзабытое, менее читаемое... Отмечу, что с переводами дело обстояло очень хорошо: не было ни одного мало-мальски значимого произведения в многоязыковой панораме книгопродукции, которое не было бы переведено.

Я был заядлым книголюбом: четыре года подряд ходил в нашу сельскую библиотеку, в IV–VII классах пользовался библиотекой соседнего села Лёк, а в старших классах записался в библиотеку села Алдере, в десять раз превосходившего наше по численности населения. Впрочем, разницы в книжном фонде сел не было никакой. Необходимо воздать должное всем областям общественной и культурной жизни при социализме, оценить по достоинству научное и культурное наследие, оставленное нам системой и моделью образования той эпохи, а не открещиваться от этого наследия.

Теперь о кино. Приезд в село кинопередвижки был настоящим событием! Все валом валяли в клуб. Передвижные киноустановки демонстрировали фильмы, чаще всего на русском языке, в основном, об октябрьском перевороте (тогда говорили – о Великой Октябрьской революции), о Второй мировой войне. Иногда демонстрировались фильмы и на родном языке. Я бы хотел особо отметить два из них, вызывавших у нас чувство национальной гордости и воодушевления: это «Аршин мал-алан» и «На дальних берегах». Сам факт, что был снят фильм о нашем героическом соотечественнике Мехти Гусейнзаде, участнике югославского сопротивления, который пал смертью храбрых в бою и которому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, вызывал в наших сердцах естественное чувство гордости. Но нашлись армянские злопыхатели, которые стали утверждать, что, якобы, мать Мехти Гусейнзаде была армянкой... На этой почве у нас возникали серьезные споры, мы доказывали им ложность такого утверждения, и они вынуждены были признать, что Мехти Гусейнзаде – «чистокровный турок», так говорили сами армяне.

Источниками информации у нас тогда были радио и газеты – из Баку и Иревана.

Сельские ребята уходили в армию. Порой воинская служба вторгалась в сердечные узы и расстраивала молодых. Из армии в село летели любовные письма, слагались песни, баяты.

...Несмотря на жесткие запреты, в народе бережно хранились традиционные национальные алаты, старинные обычаи. Мама говорила: «Приближается самый дорогой день...». Все понимали, что дорогой день – это праздник Новруз. Люди всегда знали: Новруз – не религиозный праздник, он существовал задолго до ислама. В первый день праздника мужчины села собирались вместе, ходили по домам и поздравляли односельчан, поднимали бокалы, пили водку, но никто не напивался, лишнего не говорил, просто веселились от души.

Это были работающие, добросовестные труженики, знающие толк в деле, в общении, в разговоре, не сорившие словами, не кривившие душой, обладавшие чувством собственного достоинства.

***

После захвата власти большевиками начались преобразования: на окраины гигантской империи пришли «лампочки Ильича», протянулись новые трассы и железнодорожные линии, «ликбез» означал открытие новых школ в отдалённой глуши, авторитарный режим предполагал неотложное решение множества проблем, «диктатура пролетариата» обернулась диктатурой личности руководителя, вождя. Была большая любовь к вождю, вера в него. Но до смерти Сталина абсолютное большинство населения не знало, что это любовь и вера в портрет вождя. И так длилось до хрущёвского восшествия на партийный престол, когда шапкозакидательские настроения и откровенное вранье стали нормой. Только тогда люди поняли, что коммунизм – тоже вранье.

И я пришёл в этот мир с простодушной открытостью, с любовью к родной природе, к земле, к людям, живущим на ней, жадно впитывая в себя все новое, формируя своё мировосприятие по книгам, по классическим художественным образам, замороженный их магической силой, и составляя своё мировоззрение по современным образцам «изящной словесности». Я искал свое место в жизни, знал, что это место не забронировано для меня, но что оно существует, и стремился добиться самоутверждения в человеческом обществе.

...Но пока что мой путь тянулся по горным проселочным дорогам в школу села Лёк, где я учился с четвертого до седьмого класса. Пробирался через небезопасный отрезок пути от Чешмелер до Камня Магомедали по глубокому ущелью, размытому осенними дождями и весенними ливнями, и не дай Бог сорваться с кручи какому-нибудь валуну – тогда грянула бы лавина, случился бы обвал, сметающий все на своем пути. Но, слава Аллаху, такого не происходило ни до, ни после моих хождений. Случались обвалы по ночам, в безлюдную пору, тогда наутро наши взоры ужасала картина стихийного обрушения. Наши местные трудяги-земляки – дядя Таир из села Лёк, старый большевик, и мои односельчане братья Ханкиши и Амирхан брали на себя тяжелый труд по очистке завалов и зимой, и летом. Позднее и я присоединился к нашим ремонтникам дороги. Оговорюсь, что чистка дороги сама по себе была работой несложной, много ума там не надо, тяжелее было строить частный дом для руководителя дорстроя. Тогда начальство могло позволить себе использовать для личных нужд подчинённых (крутые болты сталинского режима уже ослабли).

...Я уже отмечал неизменную активность читателей, посещавших небольшую библиотеку нашего села. Там всегда было многолюдно. Устраивали диспуты, делились мнениями, радостными новостями... Была жажда к чтению, дипломированных специалистов было негусто, а книголюбцев не счесть. Литература являла собой магический, завораживающий мир, увлекала за собой подрастающее поколение. Писательское слово звучало для нас как глас провидения, как взывающий глагол. В селе ощутима была нехватка книг, но тяга к чтению была огромна.

...Несколько лет тому назад я побывал в родном селе. Социально-экономическое положение было несопоставимо с прежними временами. Заглянул в сельскую библиотеку, переработавшуюся в новое здание. Новых книг немало, но, судя по всему, большинство хранились в нетронutom виде. Конечно, тому были свои причины. Подростки, молодёжь, овладев специальностью, не оседали в селах, а устремлялись в города. Недипломированная часть тоже предпочитала обосновываться и подрабатывать в мегаполисах, промышляя там чем придется. По большей части в селениях оставались одни старики. Но не только в этом причина угасания интереса к чтению.

«Последнее десятилетие нами овладело стремительное развитие, как в селах, так и в городах, достижения научно-технического прогресса заморозили нас. Конечно, мы многое приобрели, продвинулись вперёд, но, увы, немало было и потерь...» Я написал и опубликовал эти строки в 1988 году, включив их в сборник «До утра ещё далеко» (1989 год).

В той части статьи, которая не была включена в книгу, выражена тревога по поводу негативных изменений, произошедших в 80-е годы по отношению к книге. Если сравнивать 80-е годы и нынешнее время с точки зрения интереса к книге, то тут гордиться нечем.

Я и сегодня с восхищением вспоминаю безмерный интерес к литературе молодёжи тех лет. Потому и останавливаюсь подробно на этом сравнении. Вот строки из той статьи:

«Нам памятен призыв «учиться, учиться и ещё раз учиться». По Ленину, «книга – великая сила». А наш просветитель, основатель нашей газеты Гасанбек Зардаби считал, что «книга – огромная сокровищница». По М.Горькому, «книга – источник знания». Джона-тан Свифт считал книгу «детищем мышления», а Герцен – «наследием, передаваемым от поколения к поколению».

Любовь к книге прививается в семье, начинается и развивается с детского сада, со школы. Увы, есть у нас такие детские сады, где нет своей библиотеки, есть школы, где пылятся одни учебники. Районные отделы образования ограничиваются преподаванием отдельных дисциплин, их заботит лишь воспитательная работа вообще, с проверками «для галочки». А как же обстоят дела со школьными библиотеками, с литературой, призванной пестовать и формировать юную смену? Это почему-то мало беспокоит тех, кто курирует работу школ...

Есть у меня друг, врач, который покупает по два экземпляра книг из серии «Всемирная детская литература» (в 50-ти томах) с прицелом на будущее: чтобы подарить своим дочерям в качестве приданого. Мало того, он приобрел для этой цели роскошное издание произведений Низами, десятитомник «Азербайджанской советской энциклопедии» и трёхтомник книги «Азербайджанский ковёр». Супруга моего друга – тоже врач. В их домашней библиотеке, наряду с медицинской литературой, есть и образцы нашей поэзии, прозы, фольклора, шедевры мировой литературы, и все книги – их прочитанный багаж, причём дочери отнюдь не готовятся к филологическому поприщу, но питают большой интерес к литературе. Речь идёт не о самоцельном показном «респекте», не о дороговизне этих ценных изданий, разговор идёт об искренней любви к магии слова, к его долговечной и священной силе воздействия, к таким образцам, как эпос «Китаби Деде Горгуд», «Пятерица» Низами, поэма Физули «Лейли и Меджнун»...Эти книги обязательно должны быть в наборе приданого наших девушек...».

***

Люди находились в водовороте политических шоу однопартийной системы. Резонанс от этих тектонических социальных сдвигов доходил и до моего маленького зангезурского села Маралземи. Во время всех политических праздников, в частности, в дни Первомайских торжеств в селе проводились собрания, на которых звучали длиннющие политические доклады соответствующего содержания. Говорили о пройденном пути от Маркса до Сталина, а после того, как с приходом Хрущева имя Сталина было выкорчевано отовсюду, как следствие, посыпались разоблачения Троцкого, Зиновьева и даже Плеханова. Затем молодёжь давала концерт, который от мало до велика с интересом смотрели все сельчане (мне, бедному, иногда приходилось участвовать в двух концертах: в своем селе и в селе Лёк, как учащемуся тамошней школы).

В людях была незыблемая вера в существующий строй, в государство, и это спланивало общество, цементировало взаимоуважение граждан.

Но по мере усиления хрущёвского волюнтаризма в отношениях между людьми возникло отчуждение, подрывалась сплочённость, вера начала терять устои, слабость, и со временем совсем сошла на нет, исчезла. Тем временем коммунистические верхи расширяли свои полномочия, а репрессированные в двадцатых – сороковых годах возвращались и почти полностью получали реабилитацию. Индальгенцию получали и наказанные по делу, и невинно пострадавшие, причём первые, добившись определённых чинов, обрушивались с критикой, порой безосновательной, на противников и оппонентов, не гнушаясь оскорблений, не

щадя ни уцелевших, ни погибших от репрессий. Общество морально деградировало, повышался имидж и авторитет старой плеяды «большевиков», которых сегодня иногда вспоминают с горечью и насмешкой.

Я с детства близко знал некоторых из этих ветеранов по работе в зангезурских селениях Маралземи и Лёк (назову Аслана Мамедова, Абдуллу Ахмедова, Шихали Багирова, Мануфа Бабаева, Али Кулиева, Салмана Багирова, Таира Сафарова). Были среди них и секретарь райкома, и председатель колхоза, и прокурор, и садовод, и рабочий... Всех их отличали три достоинства – трудолюбие, честность и моральная чистота. Жили они скромно, ничем не выделяясь. Не было никакой особой разницы между материальным положением мегринца Али Мамедова, долгое время проработавшего на высших республиканских руководящих постах, и положением вышеназванных и не названных мною старых партийцев, которых я знал.

А вот начало серьёзного размежевания привилегированной партийной номенклатуры с основной, рядовой массой населения с конца 50-х годов и стремительное наращивание этих различий вызывало рост социального статуса чиновных партийцев; тогда никому и в голову не приходила мысль о том, что существующий строй развалится, – напротив, большинство людей питало иллюзию о том, что наконец в стране водворятся порядок и справедливость благодаря власти коммунистов...

Часть этих большевиков пережили репрессии, побывали в ссылках, потеряли должности, но сохранили в себе стержень законопослушных граждан, остались порядочными людьми.

В этом отношении очень характерна многотрудная судьба народного артиста Азербайджана Алекпера Сейфи из Гянджинского театра. Этот талантливый подвижник искусства, в молодости руководивший деятельностью Бакинского рабочего тюркского театра, перебрался со своим коллективом в Гянджу, там основал госдрамтеатр имени Дж.Джаббарлы и на этом пути пережил много мытарств и испытаний. В частности, был такой случай: театр собирался в одном из бакинских селений, но забарахлила в пути машина с труппой. Беда! А газета «Вышка» откликнулась бы на это техническое недоразумение с явно обвинительной репликой: «Актёры театра обманули ожидания сельских жителей». Да, представьте себе, труппе грозило политическое обвинение, артистам могли бы приклеить ярлык «врагов народа». Руководитель труппы, отчаявшись, решил позвонить «наверх», самому первому лицу, тогдашнему руководителю республики Мир-Джафару Багирову, известному своим крутым нравом. Повезло: первый секретарь нашёл возможность уделить время для телефонного разговора. Выслушав тревожное сообщение, хозяин республики буркнул в трубку:

– Сейфи, я твой завгар, что ли?

– Не приведи Аллах, товарищ Багиров! Меня тревожит другое: завтра ведь «Вышка» напечатает и...

– Ладно, – Мир-Джафар Багиров перебил директора театра и дал отбой.

Конечно, после такого диалога газета «Вышка» сочла необходимым обойти это происшествие молчанием.

Однажды эта же газета прошла по адресу самого Самеда Вургуня, видимо, с чьей-то злонамеренной подачи.

Поэт приехал в Гянджу погостить у Алекпера Сейфи, намереваясь прогуляться по этим краям, отдохнуть... И однажды, проснувшись утром, Вургун просматривает свежие газеты – и диву даёт, прочтя в той же «Вышке» беспардонные измышления с политической подоплёкой: дескать, он «националист», «пантюркист», «антисоветский элемент» и т.д. Тех, кому приклеивали подобные ярлыки, в лучшем случае ждала Сибирь. Ошеломлённый поэт переводит взгляд на орден Ленина, который красовался на лацкане переброшенного на спинку стула пиджака, и говорит: «О великий человек, похоже, нам придётся с тобой распрощаться...» Уже было не до побывки в Гяндже, встречи с людьми, читателями. Самед Вургун вернулся в Баку.

Алекпер Сейфи рассказывал продолжение этой истории. Оказывается, узнав о ней, писатель Мамед Саид Ордубады добивается приёма у М.Дж.Багирова и после долгих попыток извлекает знаменитого поэта от когтей борзописцев из партийной газеты. Да и на самого

Алекпера Сейфи повесили всех собак и в конце концов обвинили в том, что он, якобы, «подложил в театр бомбу». Его арестовали, отправили в Сибирь, где он отсидел много лет. А когда, получив, наконец, реабилитацию, возвратился домой, то первым делом спросил у встречавших его на вокзале друзей и коллег: «Ну как, бомба ещё не взорвалась?»

В 1973 году, когда Иреванский Азербайджанский госдрамтеатр приехал на гастроли в Гянджу, я встретился и побеседовал с Сейфи-муаллимом. Это была живая энциклопедия, из поколения азербайджанской интеллигенции 30–60-х годов. Человек высокой культуры, интеллигент-оптимист. О своей судьбе, о пережитом рассказывал так, будто не хлебнул лиха, не мытарился долгие годы в заключении как «враг народа», обо всех перипетиях ареста и лагерной жизни, и даже о процедуре реабилитации рассказывал с улыбкой, смягчал и приглушал юмором, иронией. Да, вот ведь какие были сильные духом, волевые личности, которые после мучений в лагере не ожесточились, не прониклись жаждой мщения, не задались целью спекулировать ореолом мученика, выуживать у государства привилегии, компенсации и пр. Напротив, оставались для окружающих образцами высокой морали, культуры и достоинства.

Но были и люди иного склада, другого поведения. Часть реабилитированных, сознательно или нет, приложили руку к моральной деградации общества. Между новыми руководящими кадрами и ветеранами процветала мстительность, новоназначенные чиновники напрочь игнорировали своих предшественников, сведение личных счётов оборачивалось удачами по общественному согласию и гармонии. Ложь становилась чуть ли не нормой в общественно-политической жизни. Выходишь на трибуну на собрании – неси ложь, аплодируй горлопану, пусть не от души, но погромче, выходи на демонстрацию – показывай свою ложь, кричи «ура!» во всю глотку, пиши в газету ложь, лги в эфире...

Было такое и при Сталине, но с той разницей, что у большинства людей эти публичные высказывания опирались на искреннюю веру: никому, кроме самого «отца народов» и двух-трех вельмож из его окружения не приходило в голову, что все это ложь. А в эпоху Хрущёва все понимали, что все сказанное – ложь. Во времена Брежнева поток лжи значительно уменьшился, во всяком случае, перестали беззастенчиво заявлять, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме».

Хрущев производил на меня впечатление коммуниста областного уровня. Так мне казалось в детские и отроческие годы, по молодости. Читая его доклады на XX–XXI партийных съездах, я тоже думал так. Даже при том, что эти доклады были подготовлены в Центральном комитете КПСС! Я окончательно убедился в этом после прочтения стенограмм заседаний Политбюро хрущёвского периода, долгие годы до «перестройки» хранившихся под грифом «совершенно секретно».

Хрущёв замахнулся на широкие пласты современной политики, изобличая культ личности, но при этом сам наступил на те же грабли, допустив и позволив раскрутиться той же мифотворческой машине. Он говорил о сельском хозяйстве, особенно подчеркивая «кукурузную тему», о промышленности, о нравственности, о культуре, и все это была ложь...

Однако именно при нём состоялся первый полет в космос – событие, которое имело резонанс мирового значения... Можно вспомнить и о хрущёвской оттепели, о встрече первого секретаря с деятелями искусств на Манеже, о массовом строительстве «хрущоб» – панельных жилых домов; наконец, о возникновении в народе анекдотов о первом лице государства. Даже находясь у штурвала высшей власти, в самые, казалось бы, надёжные периоды правления, разоблачая и громя культ личности, Никита Сергеевич, как мне думается, испытывал внутренний страх перед тенью сверженного вождя. Трудно было руководить страной, не сокрушив имя Сталина, не вычеркнув его из истории.

Характерен в этом смысле анекдот, запомнившийся мне до сих пор.

После того, как XX съезд партии принял решение изъять тело Сталина из мавзолея Ленина, президент США Эйзенхауэр сообщает в Москву: «Сталин вам уже не нужен, отдайте его нам. Взамен мы вам подарим такого атлета, который может бегать со скоростью 100 километров в час, и этот спортсмен прославит СССР». Хрущёв после заокеанского предложения на радостях вызывает к себе Микояна:

– Анастас, у нас неслыханная новость!

Анастас Иванович, услышав новость, молчит.

– Что ж ты, хитрый армянин, не поздравляешь меня? Или ты спелся с антипартийной группировкой?

– Таких бегунов – двое, – отвечает Микоян, – один – это вы, другой – я. Если уступите янки тело, то они возьмут и воскресят покойника. Тогда нам с вами придётся дать стрекача и не с такой скоростью...

– Чёрта с два, Эйзенхауэр, – подумал Хрущев, – не выдам тебе трупа!.. Недаром я зовусь Хрущёвым!

Эта байка была сочинена в нашем селе Маралземи. Мои сельчане не видели ни Микояна, ни Хрущёва, которые после этого народного острословия прослыли под прозвищами «Бидж» («плут») и «Гидж» (глупый).

Антипатию наших сельчан подогрело и другое самоуправство Хрущева. В 1960 году он прибыл в Иреван на годовщину сорокалетия Армении и после пиршества на озере Гейча (ныне переименованного армянами в «Севан») с коньяком и форелью, как рассказывают очевидцы, там же подписал постановление о прокладке канала Арпа-Севан, тем самым перекрыв артерию водоснабжения Нахчывана...

Спустя много лет возглавлявший при Хрущёве Верховный Совет Армении Шмавон Арушанян рассказал мне, что Никита Сергеевич наутро после подписания вердикта о канале, проснувшись в Иреванской резиденции и чуть оклемавшись после возлияния на озере, вдруг спрашивает:

– Что это вчера вы говорили насчёт вопроса об Арпа-Севане? Думаю, не стоит транжирить столько средств.

– Никита Сергеевич, вы же вчера подписали документ... – подает реплику первый секретарь ЦК партии Армении.

– Подписал – я? – Я и зачеркну... – резко заявляет высокий гость.

– Но ведь иностранные журналисты возвестили на весь мир, что вы подписали документ...

– Ну, хорошо... тогда не зачеркну, – засмеялся Хрущев, и была поставлена точка в этом вопросе.

В качестве корреспондента газеты «Совет Эрменистаны» мне в 1966 году пришлось побывать на строительстве канала в окрестных горах села Дерелейез, протопать по тоннелю в резиновых ботинках через водный поток, доходящий до колен, и меня не покидала мысль: ради чего вкладывается столько труда, ради чего транжируют столько денег? Только ли для того, чтобы спасти мелеющие воды озера Севан и с ним вождевленную форель?

Замечу при этом, что на этих тяжёлых работах не было ни одного местного жителя – ни азербайджанца, ни армянина. Там работали одни русские.

Хрущёва уговорили, аргументируя, что «Севан засыхает, гибнет и форель...». Увы, рыба вымерла и после того, как воды Арпа-чая протянули до озера. Природа не терпит самоуправства. Всевышний защищает правду.

Декоративное, показушное разоблачение культа личности, заявления о строительстве близкого коммунизма терпели крах, происходили процессы, которых не могли понять и принять ни морально безупречные большевики, ни простые люди.

Наряду с этим люди уже ощущали вкус свободы, духовно раскрепощались, испытывали разочарование в существующем режиме. Начиналось, неосознанно или сознательно, возвращение к национальным истокам, поднималось самосознание, и в русле этих процессов подспудно поднимал голову армянский шовинизм, усиливалось армяно-азербайджанское противостояние. Это в первую очередь проявлялось во время набиравших популярность в конце 50-х годов футбольных матчей. Игры между командами «Нефтчи» и «Спартак» (позднее «Арагат») воспринимались армянами и азербайджанцами и как соревнование двух народов, футбол выходил за рамки спорта, становился вопросом гордости народа, затрагивал чувство национального достоинства.

На заре этих событий, совпадающих с нашим школьным возрастом, мы, старшеклассники, окончившие семилетку в селе Лёк, каждую неделю преодолевали двадцать пять километров, чтобы всю неделю учиться в старших классах в селе Алдере. Попутно нам приходилось «пересекаться» на станции Кюрадюзю с армянскими футбольными болельщиками, вступать в споры с ними.

Мы «скрещивали копыта» и на волейбольной площадке на районных турнирах (когда удачно, когда нет), соревновались на олимпиадах по физике, математике (с переменным успехом). В нашей компании одноклассников были Фаррух, Октай, в селе Лёк мы подружились с Гейсом, Балашем, Сарваром... Было о чём поговорить, чем поделиться, мы жили романтическими мечтами о будущем родного Азербайджана. Долгую дорогу от Маралземи до Алдере мы проходили или проезжали вдоль берега пограничного Араза, всегда смотрели на тот берег реки. На волне этих впечатлений рождались стихи...

В Алдеринской школе были учителя с обострённым национальным самосознанием. Мы выросли, и внутри нас просыпалось национальное самосознание. Этому самоощущению, росту гражданского самосознания серьёзно способствовал армянский шовинизм, в этом отношении «заслуга» наших соседей несомненна... Я хорошо запомнил слова Шириндил-муаллима: «Наш вопрос страшнее, чем проблема Берлинской стены». Прошли годы, Германия воссоединилась, Берлинская стена рухнула, а Азербайджан...

В этой книге в числе других сведений об азербайджанских селах Мыгрынского района, содержит воспоминания и о древнем селе Алдере, где я проучился три года. Думы и размышления об этом селе, о его жителях, романтика подростковых лет, наконец, самое главное, мои взгляды, сформировавшиеся именно в том селе, на общество того времени и свободу не поместятся даже в три книги. Алдеринцы – образец человеческой творческой воли, трудолюбия, щедрости, способностей и таланта.

Алдеринская средняя сельская школа, которая в те годы славилась на весь район, была единственной на всю округу полной средней азербайджанской школой. Хотя в соседнем Зангиланском районе средних школ было немало, некоторые родители предпочитали отдавать своих детей именно в это учебное заведение.

Школа – это прежде всего учителя. Я с уважением вспоминаю учителей, которые нам преподавали.

Много воды утекло с тех пор. Сорок лет минуло. Я всегда верил, и сегодня верю, что все наши наставники стремились воспитать хороших, знающих учеников. Думаю, что они могли гордиться выпускниками 1963 года.

Мыгрынские школы (Алдере, Нуведи, Лехваза, Лёк) были известны и в Ирване, высоко оценивались министерством просвещения. Я это почувствовал, когда жил в Ирване и имел контакты с министерством. Армянских специалистов удивляло качество преподавания в наших школах, профподготовка кадров, жажда знаний и интерес к учёбе у ребят, заботливое участие и требовательность родителей.

Вспоминается давний эпизод. Когда я учился в десятом классе, на урок алгебры, который у нас вёл Рустам-муаллим, вместе с ним вошли двое или трое незнакомых мужчин и сели на последние парты. Учитель вызвал к доске несколько самых толковых ребят и задал им задачу. «Незваные гости» (так мы про себя определили посетителей) не могли скрыть своего изумления. Наутро мы узнаем от учителя, что это были высокопоставленные работники из министерства просвещения Армении, по специальности – математики. Они признались, что ни в армянских, ни в азербайджанских, ни в русских школах Армении не видели такого класса, где столь хорошо знают математику. Впоследствии я обошел пядь за пядью земли Западного Азербайджана, от дорогого моему сердцу Кафана до Сисианского, Азизбековского района, Дерелейеза, Ведибасара, Зангибасара, Иревана и всей ирванской округи, Деречичека, Гейчи, Агбаба, Хамамлы... и во всех азербайджанских школах (даже в начальных классах) я наблюдал такое же ревностное отношение к учёбе, интерес к знаниям, убеждался в высоком уровне культуры и просвещения.

Просвещение, культура азербайджанцев были на высоком уровне и постоянно разви-

вались.

В апреле 1961 года утреннюю гимнастику и первые уроки в нашей школе отменили. Сообщили новость: в космос полетел наш космонавт. Ученики и учителя высыпали на площадку перед школой и стали смотреть в небо.

В ту пору в селе не было телевидения, в школу ещё не провели телефонную линию. Тем не менее новость долетела. Через полтора часа сообщили о благополучном приземлении Юрия Гагарина.

Мы всматривались в небо, хотя и понимали: ракеты не разглядеть.

Мы ликовали, нам было все равно, кто полетел: русский, англичанин или азербайджанец. (Конечно, окажись он азербайджанцем, от радости мы сами бы взмыли в небо!) Человек полетел в космос! Тогда я не думал, не гадал, что из двух людей, стоявших во главе этого свершения, один являлся азербайджанцем! Гагарин вошёл в моё сердце, вселился в моё сознание всецело, как есть, и в разные периоды моей жизни его имя отзывалось в моих стихах как вечный символ героического подвига.

Во время гагаринского полёта и долгое время после я не знал о том, что одна из ключевых личностей этого события – председатель Государственной комиссии по летным испытаниям пилотируемых кораблей – азербайджанец. Его не показывали по телевидению, имя держали в секрете.

Начиная с конца 80-х годов, показывая по телевидению рапорты космонавтов, лицо председателя Государственной комиссии прятали, ограничиваясь озвучиванием рапортов, но кому именно рапортовали космонавты – оставалось тайной.

Судьбе было угодно, что по прошествии многих лет мне посчастливилось близко познакомиться и неоднократно встречаться с высокопоставленным земляком, генерал-лейтенантом, лауреатом Ленинской премии Керимом Керимовым. Мы с ним много и о многом беседовали. Он пролил свет на два момента. Расскажу о них. Я как-то поинтересовался у него, каким это образом, начиная с 80-х годов, завесу секретности при встречах вернувшихся космонавтов в телеэфире чуть приоткрыли, показывая лицо председателя Государственной комиссии, но не называя его имени.

Оказывается, тут сыграло роль, как ни странно, замечание Егора Лигачёва. Он проводил совещание с членами Государственной комиссии и между делом попрекнул: «Почему это вы показываете рапортующих космонавтов, а принимающего рапорт – нет?»

Совсем не похоже на Егора Кузьмича!

После этого «приподняли завесу» и стали показывать и того, кто принимает рапорт, однако его имени по-прежнему не называли.

Впрочем, все уже знали, что у нас есть такой выдающийся земляк.

Второй эпизод связан с выбором первого космонавта Генеральным конструктором ракетно-космической промышленности СССР Сергеем Королёвым. Шансы, профессиональные качества, физические данные Юрия Гагарина и Германа Титова были одинаковы. На совещании, где обсуждался этот вопрос, при воцарившемся молчании задумавшихся членов комиссии всё решила реплика Королёва:

– Что значит «Тит», непонятно, да еще «Герман». А «Гагарин» звучит, тем более «Юра». Есть еще Гаганова, ее все знают.

Он имел в виду известную в те годы ивановскую ткачиху, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического труда Валентину Гаганову.

Так Юрий Гагарин стал первым космонавтом.

***

Алдеринцы – люди мужественные, с открытой душой.

Председатель алдеринского колхоза, кавалер высоких наград страны Джамшид Гасанов пользовался большим авторитетом среди односельчан и во всём районе.

Одной из его и односельчан заслуг было и то, что во всей Армении только они воспротивились сношению памятника Сталину, напротив, люди сберегли монумент, благо-

устроили, разбили вокруг цветник.

Так продолжалось до конца 80-х годов, когда третья волна депортаций сорвала алдеринских жителей с исконных мест проживания, когда армяне вновь ворвались и заняли азербайджанские селения. Разоблачение «культы личности» распалило давние антисталинские настроения в среде армянских националистов.

До поры до времени они скрывали свои претензии к вождю, который ещё в 1923 году при обсуждении карабахского вопроса прислушался к Нариману Нариманову, и при втором обсуждении вопрос решился в пользу Азербайджана.

Им грезился на месте «отца народов» Анастас Иванович, их угнетала якобы благоклонность вождя к Мир-Джафару Багирову, им не давала покоя неудавшаяся затея времён войны с фашистской Германией: массовая депортация азербайджанцев из Азербайджана – тайный микояновский проект...

Сохранение статуи Сталина в Алдере тревожило и Иреван, но снести её не удавалось ни КГБ, ни партийно-советским органам. Не рисковали двинуть туда бульдозеры и прочую технику, а сельские шофёры отказывались браться за это дело.

Председатель колхоза Джамид Гасанов всегда шутливо отмахивался: «Памятник – колхозная собственность, столько денег угрохали на покупку. Пусть возместят расходы – тогда и снесём».

Другая острота председателя: «Вот в центре Мыгры поставили новый памятник: чабан и рядом с ним собака. Ну, поставили, пусть стоит. Не перечу. А вот скажите мне, неужто у Сталина меньше заслуг перед страной, чем у этого чабана или собаки? А если есть у него заслуги, какого рожна рушат его памятники? Пусть их сочтут за скульптуру чабана или же его собаки и держат как реликт истории».

Армяне так и не смогли снести памятник. В село пожаловал первый секретарь райкома партии, пригласил в правление шоферов-партийцев и дал им «партийное поручение»: снести памятник. Тогда водители достали из карманов партбилеты, бросили их на стол. Заявление председателя колхоза и такие неожиданные жесты – случай неслыханный по тем временам – в воображении не укладывался.

Размышляя об этом дерзком протесте алдеринцев против снесения памятника Сталину, я думаю, это исходило не только из желания продемонстрировать симпатию к «отцу народов», это было сделано в пику антисталинскому усердию армян, памятующих о былых политических предпочтениях вождя в карабахском вопросе...

В те годы мы, старшеклассники, чутко реагировали на правду и ложь и замечали, что в нашей огромной стране, в обществе слова расходятся с делами; в нас говорил юношеский максимализм, нам хотелось всех видеть на высоте наших воображаемых идеалов, воплощённых в честности, порядочности, правдолюбию. Так мыслила искренняя молодёжь, получившая хорошее воспитание в семьях с доброй моральной аурой, с традициями чистоты и добродетели, высокой нравственности.

Да, конечно же, семья – стержень, колыбель формирующейся личности. Это одна сторона. А другая ипостась её – замечаемые в обществе двоедушные люди, временщики и ловкачи, безнаказанно кривившие душой и остававшиеся «на плаву», которых не всегда выводили на чистую воду.

***

Мать моя и отец, которых коснулась трагическая волна первой депортации 1918 года, стали беженцами в юном возрасте. После этих испытаний судьбы их пересеклись, они создали семью, у них родились четыре дочери, три сына, семья обосновалась на родных землях – в Мыгрынском районе. Тем временем пришла советская власть, началась экспроприация, коллективизация, у родителей отняли доставшиеся от предков земли под колхозные владения... Отца не стало в середине 50-х, а мать дожила до конца минувшего века...

Потому отец мой никогда не питал симпатий к новой власти. Слушались, мягко говоря,

дискуссии между отцом – антагонистом большевиков – и другими родственниками, в частности, с моим дядей по матери, секретарем райкома партии...

Отец, бывало, иронически поучал, подтрунивал над моим дядей-секретарём: «Али, ты вели своим райкомовским чинам, чтоб выступали, стоя на одной ноге, чтобы поскорее закруглялись и садились на место». Отец намекал на лозунговую говорильню тех лет. В быту они – шурин и свояк – были очень дружны, но не смогли избавиться от «пикировок».

Однажды даже был случай... В конце 30-х годов в центре Мыгры, в парке перед райкомом установили скульптуру Ленина вместе с Крупской. Мой отец явился в райком, мельком глянув на новые изваяния в парке. Вошёл в кабинет. Мой дядя-секретарь по выражению его лица почувствовал неладное:

– В чём дело?

– Это ли ваши самые грандиозные истуканы?

Секретарь вскочил с места, озираясь вокруг, понизив голос, процедил:

– Худуш, ради твоих детей... промолчу, а то прямо здесь арестовал бы тебя!

Оба приходят домой пообедать, смотрят тучей, молчат, словно воды в рот набрали...

Бабушка моя, Зийнят-ханым, глянув на них, догадывается – случилась ссора:

– Опять из-за власти повздорили?

Другой эпизод. Довелось моему дяде-секретарю прибыть с двумя помощниками армянами в Тагемур – родное село моего отца. Он провел там собрание, агитировал, произнес длинную речь, расхваливая колхоз. После собрания, уже дома, за ужином, дядя опять стал говорить о колхозе. Пока ели, отец мой терпеливо слушал, но как только трапеза завершилась, он, не обращая внимания на сопровождавших дядю райкомовских армян, сказал:

– Али, всё, что ты намолол о колхозе, собери в мешок и спрячь под палас...

Справедливости ради скажу, что армяне из райкома не донесли на моего отца, дескать, родич Али Мамедова сморозил такое... (Тогда «крамольных» говорунов ждала решётка, а их чиновным родственникам пришлось бы распрощаться с должностью и партбилетом).

В последние дни жизни отец мой тревожился за моё будущее (остальных детей он успел поставить на ноги, а я ещё не ходил в школу, как писал выше).

Повзрослев, я слышал ото всех – и от районного начальства, и от рядовых тружеников – добрые отзывы, положительные воспоминания о своём отце, широте его кругозора и мировосприятия.

Моя мать, пережившая отца, прожила долгую, достойную, многотрудную жизнь, в течение одного века пережив три депортации, – с начала XX века до его исхода, когда с развалом СССР проявился метастаз дашнакского национализма, сопровождавшийся изгнанием сотни тысяч наших соплеменников со своих исконных земель.

Но помимо матери, разбиравшейся в происходивших в обществе событиях (при отсутствии грамотности и образования), опорой и нравственным ориентиром в нашей семье был и мой старший брат Гудрат (он на двадцать лет старше меня!). Его слово для всех нас, младших, было законом (при всей моей взбалмошной «неуправляемости»).

Почти полвека наш кров согревали мудрая материнская любовь и тепло. Все звали маму Сусенбер-хала, а старшие по возрасту – Сусенбер-баджи.

К ней шли за советом не только женщины из родни, но и родственники-мужчины. Шли годы, возраст, испытания сказались на здоровье матери моей: её мучила гипертония. Конечно, её брат и сыновья делали все возможное для лечения, доставали путёвки в санаторий «Арзни», находили необходимые лекарства.

Мне думается, её постоянная забота о близких, её кипучая деятельность долгие годы тормозили гипертонию, пресекали возможные осложнения.

Она успела взрастить детей, внуков и правнуков, став для всех нас ангелом-хранителем.

Её чтили во всем нашем районе. При том, что её брат возглавлял райком партии, никто не говорил о ней как о сестре Али Мамедова – их имена произносили как равные.

***

Восстановление независимости Азербайджана обеспечило возможность глубокого изучения нашей истории, возрождения исторической памяти, национальных духовных ценностей, исправления идеологических «аббераций» в освещении прошлого, объективной научной истины и построения демократического общества, утверждения свободы слова, свободы волеизъявления граждан.

Оглядываясь на панораму мировой истории, мы задумываемся о её драматичных страницах. Сколько же было войн, трудно сосчитать. А как насчет геноцида? Как ни считай, больше трех-четырёх не набирается. И с одним из таких геноцидов, учиняемых армянами на протяжении двух последних столетий, столкнулись мы, азербайджанцы.

После восстановления нашей независимости эти горькая реальность и правда о ней обнажились и прозвучали во всеулышание. Прозвучали на государственном уровне в указах Президента Гейдара Алиева «О массовой депортации азербайджанцев с их исторически-этнических земель на территории Армянской ССР в 1948-1953 годах» (18 декабря 1997 года) и «О геноциде Азербайджанцев» (26 марта 1998 года). В этих исторических указах глубоко раскрываются источники и суть, исторические корни, социально-политическая подноготная геноцида и депортации в отношении нашего народа. Тут не убавишь и не прибавишь, как говорится.

Милли Меджлис Азербайджанской Республики, отметил огромное значение Указа Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева «О геноциде азербайджанцев» как первого официального документа, проливающего свет на тёмные страницы нашей истории, восстанавливающего нашу национальную память, служащего толчком к тому, чтобы была раскрыта и заняла подобающее ей место историческая правда.

В этом важном документе впервые в нашей истории официально называются своими именами факты массовой резни – геноцида, совершённого против азербайджанцев после насильственного раздела Азербайджана в XIX веке с беспрецедентными в истории человечества зверствами, вскрываются корни политики этнической вражды, осуществлённой шовинистическими кругами и поддерживающими их реакционными силами.

Я благодарен судьбе, что в качестве государственного советника Азербайджана по вопросам национальной политики участвовал в разработке проектов приведённых выше указов. До этого я часто выступал в печати как человек, непосредственно причастный к «тектоническим» резонансам ксенофобии и армянского национализма в моих отчих краях, в Западном Азербайджане. Моя развернутая публицистика на эту тему была опубликована в книге, название которой носит и эта работа: «Здесь тьма полчищ пронеслась».

...Я назову и другой, убедительный труд – книгу «Турки, азербайджанцы, армяне: геноцид исторической правды» (Баку, издательство «Азербайджан», 2003), написанную в соавторстве академиками Джалалом Алиевым и Будагом Будаговым.

Эта книга, прежде всего выражающая патриотическую позицию ученых, посвящена актуальной теме – вопросу о так называемом «армянском геноциде».

Авторы выражают решительный протест против обсуждения в парламентах и государственных структурах ряда европейских стран раздутого политического мифа об истреблении армян в 1915 году в Османской империи. Аргументированно вскрывая исторический, политический, идеологический аспекты этой бредовой армянской лжи, авторы силой неопровержимой научной логики доказывают несостоятельность данной политической авантюры. В книге, которая открывается фактом утверждения Президентом Франции Жаком Шираком резолюции парламента страны «О геноциде армян в Османской империи в 1915 году» от 18 января 2001 года, до сведения подобных политиков доводится та простая истина, что «выносить на обсуждение акт совершения геноцида в какой-либо стране и утверждать решение на основе псевдоаргументов – не входит в компетенцию главы какого-либо государства или парламента. Это задача учёных, историков, правоведов и иных соответствующих специалистов».

Предоставим слово специалистам – американским историкам, учёным, экспертам по международному праву. Ещё в 1985 году госсекретарь США Джордж Шульц писал спикеру Палаты представителей Томасу Нейлу (4 марта того же года): «Идея о том, что якобы полтора миллиона армян в 1915–1923 годах стали жертвами «геноцида» в Турции – выдумка». Подчеркнем, что это письмо подписали 69 американских профессоров и историков. Увы, подобная объективная позиция, изложенная во многих научно-исторических работах, не смогла унять пыл армянских идеологов и политиков, напротив, в последние годы они вновь принялись раздувать миф об армянском геноциде и проталкивать его в повестку работы ведущих стран, наращивать нападки. Дж. Алиев и Б.Будагов дают вескую и аргументированную отповедь предвзятому отношению некоторых государств к подобным измышлениям.

Можно смело сказать, что авторам удалось полностью вскрыть подлинную суть и цель выдумки об «армянском геноциде», осветить и обнажить исторические корни проблемы со ссылками на многочисленные историко-научные источники, архивные документы, труды российских, европейских и американских учёных, и прийти к справедливому заключению, что публичное нагнетание этого вопроса влиятельными политическими армянскими центрами, гнездящимися по всему белому свету, преследует двоякую цель: с одной стороны – урвать материальную компенсацию для Армении, влачащей нищенское существование, а с другой – узаконить, добиться реализации давнишней армянской политической химеры о создании «Великой Армении». Ясное дело, замысел закулисных инициаторов – нанести удар по международному престижу Турции и Азербайджана, изолировать обе братские страны в мировом сообществе. Как составную часть этого коварного сценария авторы рассматривают и стремление армянских «сценаристов» узаконить оккупированные 20 процентов земель Азербайджана.

Из поучительных экскурсов в историю, изложенных в книге, читатели узнают о начале оседания армян в Турции и Азербайджане, о том, как «троянским конём» армянского национализма манипулируют зарубежные имперские силы. Известно, что искусственная идея об армянском геноциде берёт начало с катаклизмов первой мировой войны, отозвавшихся потрясениями в Османской империи. Сработал армянский «троянский конь», направленный против старого султаната, ослабленного в 1914–1920 годах раскрученной военной чужеземной машиной. Армяне, подогреваемые российскими авансами и странами Антанты, начали вооружённые атаки против государства в Восточной Анатолии, и страна, ведущая тяжёлую войну с интервентами, была втянута в гражданскую войну. Оккупация Восточной Анатолии российскими войсками развязала руки «пятой колонне». Началась жестокая расправа националистов над мирным населением: турками, азербайджанцами, курдами...

Из архивных документов и сообщений дипмиссий явствует, что во время этого пострадали и были истреблены два с половиной миллиона безвинных турок, азербайджанцев и курдов. На основе исторических документов в книге указывается, что Османское государство было вынуждено пойти на депортацию около 700 тысяч армян из анатолийского региона, где шли военные действия. Во время этих событий было уничтожено 300–350 тысяч человек из состава армянских вооружённых формирований, развязавших гражданскую войну. Вооружённые армянские формирования, покинув турецкую территорию, вторглись в пределы Азербайджана, охваченные жадной мести, опьянённые злобой и ненавистью, что привело к кровавым расправам уже по другую сторону границы – над нашими соотечественниками.

Только в Зангезурском махале армянские отряды уничтожили 115 сёл, убили 3257 мужчин, 3276 женщин, 2196 детей.

Это была кровавая «вендетта» туркофобов, ослеплённых злобой, точнее, это и был настоящий геноцид, о котором сегодня трубят плакальщики «великой Армении». И этот плач длится на протяжении девяти десятилетий, о чем свидетельствуют авторы книги.

Они убедительно показывают, что армянские националисты методично и планомерно осуществляли политику геноцида на территории Турции и Азербайджана. Авторы, выдающиеся учёные, обращаются к Президенту Франции, поверившему «крокодиловым слезам» армянских пропагандистов и лоббистов и признавшему геноцид армян:

«Господин Президент Франции!

Будьте любезны обратить внимание: в 1914–1920 годах армянами было уничтожено 2,5 миллиона человек из турецкого, азербайджанского и курдского населения. Это не дутая цифра, не предположительное число, а давно известный миру факт, подтверждённый официальными, государственными документами, находящимися в архивах Турции, факт, зафиксированный в исторических исследовательских трудах зарубежных учёных... Однако почему-то в Европе, на западном полушарии, эти человеческие жертвы, эти великие потери турецкого народа никого не волнуют и не вызывают сожалений...»

В книге широко использованы историко-архивные документы, труды зарубежных учёных по рассматриваемой теме, приведены многочисленные фотофакты, иллюстрирующие события, начиная с 1988 года: депортацию и этническую чистку, геноцид против азербайджанцев, акты террора и массовой бойни. Благодаря активной гражданской позиции академиков Дж. Алиева и Б. Будагова, научной доказательности и логике, верности фактам и исторической реальности им удалось достичь цели, вывести «на чистую воду» и «сорвать маски» с лиц сочинителей «армянского геноцида». Этот труд имеет большое политико-идеологическое и историческое значение.

Поэтому книга привлекла внимание международной аудитории, была переведена и издана на английском, немецком, русском, французском языках. Хотелось бы, чтобы эта книга, ставшая весомым вкладом в утверждение правды о пережитой Турции и Азербайджаном истории, расширила круг читателей, прозвучала и на других языках мира.

Легенда об армянском геноциде для руководства Армении служила завесой, ширмой для прикрытия и реализации шовинистических амбиций, в первую очередь, оправдания изгнания азербайджанского населения с исконных земель. Лидеры советской Армении А. Кочинян и К. Демирчян всячески пытались «обосновать» и доказать «правомерность» депортаций перед высшим руководством СССР, на уровне заседаний Политбюро ЦК КПСС.

Рассмотрим с этой точки зрения обсуждение этого вопроса на заседании Политбюро от 21 февраля 1985 года:

Сов. Секретно.

Единственный экземпляр. (Рабочая запись).

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

21 февраля 1985 года.

Председательствовал тов. ГОРБАЧЁВ М.С.

Присутствовали тт. Алиев Г.А., Воротников В.И., Гришин В.В., Громыко А.А., Романов Г.В., Соломенцев М.С., Тихонов Н.А., Демичев П.Н., Долгих В.И., Кузнецов В.В., Пономарев Б.Н., Чебриков В.М., Зимянин М.В., Капитонов И.В., Лигачев Е.К., Рыжков Н.И.

6. О мероприятиях в связи с 70-летием геноцида армян.

Горбачев. Этот вопрос обстоятельно рассматривался на заседании Секретариата ЦК. Как вы, вероятно, знаете, 50-летие геноцида в нашей стране не отмечалось. И это вызвало значительные негативные проявления. В своё время вопрос о 60-летию геноцида обсуждался у Леонида Ильича Брежнева и Михаила Андреевича Суслова. Тогда были намечены мероприятия, получившие одобрение в Центральном Комитете партии. Теперь, когда 24 апреля 1985 года исполняется 70 лет со времени геноцида армян, организованного правящими кругами султанской Турции, ЦК КП Армении внесло предложение о проведении дополнительных мероприятий. Эти предложения, как считают партийные органы республики, направлены на то, чтобы снять обвинение классового противника, состоящее в том, что Советское правительство якобы не определило своего отношения к геноциду. По этому вопросу буржуазной прессой поднята большая шумиха. Палата представителей США приняла резолюцию об объявлении 24 апреля «Днем бесчеловечного отношения к человеку и геноциду армян». Активно действуют в таком же направлении и правительственные круги Франции и ряда других стран.

В связи с этим ЦК КП Армении предлагает с учётом опыта проведения 60-летия геноцида в 1975 году издать Указ Президиума Верховного Совета Армянской ССР об объявлении 24 апреля «Днём памяти жертв геноцида», а также предусмотреть выступление первого секретаря Компартии Армении по радио и телевидению с публикацией текста его выступления в республиканской печати.

Скажу прямо, что на Секретариате ЦК мы, ясно понимая все плюсы и минусы, которые повлечет за собой издание такого рода республиканского указа, решили вынести этот вопрос на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС.

Демирчян (первый секретарь ЦК Компартии Армении). Прежде всего я хочу сказать, что этот вопрос является очень сложным и серьёзным. Он волнует практически все население республики, а также армянские колонии за рубежом. Надо учитывать, что за рубежом (в Ливане, США, Франции, Сирии, Канаде и ряде других стран) сейчас проживает около трёх миллионов лиц армянской национальности.

ЦК Компартии республики готовится к мероприятиям, связанным с 70-летием геноцида, учитывая опыт организации этих мероприятий в прошлом. Здесь хотелось бы напомнить, что 50-летие геноцида армян вылилось в нашей республике в очень опасные действия, когда около 100 тысяч демонстрантов вышли на улицу и потребовали заявления Советского правительства о его отношении к событиям 1915 года. В 1965 году было принято решение построить памятник жертвам геноцида, на который ежегодно возлагаются венки. Каждый год в такого рода процессиях участвует до 200-300 тысяч человек. Учитывая это, ЦК КПСС поручил нам разработать соответствующие мероприятия. Разрабатывая указанные мероприятия, мы исходили из того, что надо сделать процесс поминовения жертв геноцида более управляемым.

Здесь уже говорилось, что ситуация вокруг 70-летия геноцида усиленно нагнетается ЦРУ и другими подрывными организациями. Развернута широкая кампания по фальсификации истории, организуются конференции, в том числе и международные, издаются публикации, ведутся телепередачи. Кое-кто утверждает даже, что происходило, якобы, избиение не армян, а турецкого населения армянами, перешедшими на сторону русских. Усиливают свою антисоветскую пропаганду дашнаки. Всё это, как показывает поступающая по различным каналам информация, чревата опасностью и может осложнить идеологическую ситуацию в республике в день 70-летия геноцида. Следовательно, от нас требуется проведение соответствующих контрмер, включая принятие Указа о Дне памяти геноцида.

Тихонов. В соответствии с этим указом такой день будет проводиться ежегодно?

Демирчян. Да, ежегодно. Мы вообще ежегодно возлагаем венки к памятнику жертвам геноцида и проводим минуту молчания. Кроме того, предполагается 10-12-минутное выступление первого секретаря ЦК Компартии Армении. Это в дополнение к тем мероприятиям, которые проводятся у нас ежегодно.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что наши предложения связаны прежде всего с широким размахом кампании за рубежом. В последнее время дашнакское движение объединилось. Под диктовку спецслужб США дашнаки стараются обвинить нашу страну и республику в равнодушии к геноциду 1915 года с расчётом дезориентировать общественность и вызвать среди армян антисоветские настроения. Проникают, конечно, такие настроения и в Армению, прежде всего по линии обучающихся у нас зарубежных студентов, а также по линии армян, иммигрировавших в нашу республику.

Недавно, обсуждая на Пленуме ЦК Компартии Армении мероприятия по реализации постановления ЦК КПСС об улучшении идеологической работы, мы прямо заявили о том, что дашнаки являются непримиримыми врагами советского строя и Советской Армении. Надо сказать, что дашнаки немедленно подняли по этому поводу дикий вой. Очень негативно ведёт себя и Турция. В частности, посол Турции в США попросил конгрессменов отменить своё решение о дне геноцида армян. Вместе с тем идёт засылка к нам всякого рода террористов, а также делаются попытки организовать террористические выступления против советских дипломатических представительств за рубежом.

Мы считаем, что наши предложения помогут лучшей организации работы, которая не

позволит допустить, чтобы 70-летие геноцида армян было использовано в антисоветских целях.

Тихонов. Как вы считаете, ваше выступление по радио и телевидению не послужит ещё большему разжиганию розни между армянами и турками?

Демирчян. В этом выступлении мы говорим обычно об успехах Советской Армении и о том, что геноцид армян был организован реакционными кругами султанской Турции.

Гришин. Семьдесят лет мы обходились без Указа Президиума Верховного Совет Республики по этому вопросу, а теперь предлагается принять указ. Зачем это нужно?

Демирчян. Мы тщательно анализируем обстановку, складывающуюся в республике. Дело в том, что все слои населения Армении глубоко переживают геноцид. Практически нет ни одной семьи, в которой не было бы жертв геноцида. Что касается указа, то он нужен потому, что сейчас исключительно острой стала нагнетаемая реакционными силами обстановка за рубежом.

Тихонов. А не нагнетается ли эта обстановка в республике сверху?

Демирчян. Эта тема не выходит ни из ума, ни из сердца армянского народа. Причём я особенно хочу подчеркнуть, что мероприятия, которые намечаются провести в республике, не имеют антитурецкой направленности. Каждый раз на улицу выходят 250–270 тысяч человек. Мы только хотим управлять этим процессом.

Горбачёв. Послушаем, что может нам сказать представитель КГБ.

Бобков Ф.Д. (заместитель председателя КГБ СССР). После выступления товарища Демирчяна мало что остаётся добавить. Скажу только, что раньше, до 1965 года, эта проблема так остро не стояла. Но, как известно, в 1965 году поминовение жертв геноцида вылилось в массовые беспорядки. Как вы, видимо, помните, 5-тысячная толпа ворвалась в театр, где проводилось собрание, посвящённое памяти жертв геноцида, и учинила бесчинства. После этого в 1967 году был сооружён памятник жертвам геноцида. На открытие его собралось более 200 тысяч человек. К 60-летию геноцида было проведено много мероприятий, в том числе по линии ЦК Компартии, Верховного Совета и Совета Министров Армении. По данным, которыми мы располагаем, в мероприятиях, посвященных 70-летию геноцида, могут принять участие до 300 тысяч человек.

Здесь возникает вопрос – а что изменилось за это время? Отвечу на него. Во-первых, появилось много заявлений буржуазных деятелей о необходимости отметить день памяти геноцида в антисоветском духе. Во-вторых, во много раз усилилась работа всякого рода антисоветских групп, в том числе на территории Армении. Около ста представителей этих групп арестованы или подверглись профилактике. В-третьих, наблюдается определённое подогревание этого вопроса и со стороны турецких властей, которые даже пытаются доказывать, что геноцид был спровоцирован самими армянами. В-четвёртых, не может не настораживать рост террористических действий, особенно со стороны так называемой «Армянской террористической армии освобождения». Нами арестована в связи с этим группа иностранных студентов.

Вот почему предлагаемые ЦК Компартии Армении дополнительные меры будут содействовать лучшей организации населения и позволяют нам взять инициативу в свои руки.

Громыко. Мы должны обсудить этот вопрос без эмоций. Конечно, это было гнусное преступление султанской Турции и русского царизма. Но, как известно, при Ленине, который возглавлял наше государство в течение шести лет, такого рода вопросы, связанные с геноцидом, не поднимались.

Пономарёв. Но тогда в Турции произошла революция.

Громыко. Это была буржуазная революция. Поэтому сейчас возникает вопрос, а надо ли нам увековечивать такое отношение к Турции? Я думаю, что дашнаки ненавидят Советскую власть больше, чем турок. Так что они и их предводители не могут быть для нас критерием. Причём всё, что делается за рубежом, делается в интересах зарубежных армян. Поэтому ссылаться на всякого рода акции, проводимые в зарубежных странах, на мой взгляд, не являются убедительными.

В то же время, конечно, какой-то выход чувствам народа надо дать. Но надо ли это де-

лать путём издания указа по республике? Ведь такой указ введет в календарь постоянный День траура. Но нужно ли это закреплять в законе? Ведь сколько бы мы тогда в нашей стране имели траурных дней, начиная с нашествия Батая! Как вы знаете, мы даже день смерти В.И.Ленина не отмечаем. Поэтому к необходимости издания республиканского указа я отношусь с большим сомнением.

В записке ЦК Компартии Армении содержится предложение поместить статью о геноциде в союзной печати. Мне кажется, что не следует вводить в это дело нашу «тяжёлую артиллерию». В Армении что-то нужно делать, в том числе можно опубликовать выступление первого секретаря ЦК Компартии Армении, а другие предложения нет необходимости поддерживать. Ведь если турки разместят на своей территории ядерные ракеты, направленные против Советского Союза, то это будет куда опаснее.

В заключение я хотел бы сказать, что нам надо ещё раз просмотреть все эти предложения и, тщательно продумав, свести мероприятия к минимуму.

Зимянин. Я как редактор «Правды» в своё время публиковал редакционные статьи по этому вопросу. В них геноциду был посвящён всего один абзац. Сейчас же явно видно, что США хотят нас сравнить с Турцией. Мы не должны этого допустить. Я не участвовал в обсуждении данного вопроса на заседании Секретариата ЦК, но думаю, что какие-то мероприятия все же провести надо. Но провести их надо исключительно на общественном, а не государственном уровне. Для меня ясно, что республиканский указ будет актом враждебным по отношению к Турции. Он приведёт к обострению советско-турецких отношений. Мы от этого ничего не выиграем. Поэтому товарищу Демирчяну и ЦК Компартии Армении надо взять инициативу в свои руки, действовать с классовых позиций. Все мероприятия должны проводиться по линии общественности Армении и без каких-либо выпадов по отношению к Турции.

В целом я за то, чтобы мероприятия, посвящённые 70-летию геноцида, были проведены лишь в историко-общественном плане.

Тихонов. Когда я прочитал предложения ЦК Компартии Армении, то не на шутку встревожился. У нас только сейчас началось налаживание отношений с Турцией. Во время моего визита в эту страну турецкие руководители называли Советский Союз дружественной державой и заявляли о том, что не допустят размещения на своей территории ракет, направленных на нашу страну. Мне ясно, что республиканский указ создаст напряжённость в советско-турецких отношениях ивольно или невольно привяжет к этому Москву. Спрашивается, а кто от этого выиграет? Ясно, что выиграют американцы.

Во время моего пребывания в Турции президент и премьер-министр этой страны на протяжении 40 минут жаловались мне на антитурецкие настроения в Армении, ссылались на выступления официальных лиц этой республики. Ясно, что нам этого допускать нельзя. Вообще мы должны хорошо запомнить, что турки владеют проливами Дарданеллы и Босфор, и что у них есть возможность на основе договора, подписанного в Монтре, закрыть проливы на большой замок.

Я посмотрел статью в «Правде» по этому вопросу, которая была выпущена в 1975 году. Там геноциду посвящено всего пять строк. И это правильно. Ведь у нас в стране имели место гораздо большие трагедии. Скажем, в Белоруссии, где от рук фашистов погиб каждый четвёртый.

Мне ясно, что налаживание наших отношений с финнами, греками, турками очень злит американцев, и они посредством юбилея геноцида хотят испортить наши отношения с соседними странами.

Хотел бы, чтобы в Армении, в её партийной организации велась настойчивая работа со всеми поколениями трудящихся, лучше организовывалось интернациональное воспитание, контролировались все события. Поэтому было бы, видимо, правильно глубже изучить этот вопрос, провести его на более низком уровне, решить, не затрагивая межгосударственные отношения.

Гришин. Нам понятны чувства армянских товарищей и их стремление отметить День геноцида, но думаю, что международная обстановка диктует нам быть осторожными. Ведь

все принятые резолюции американского конгресса не в интересах Советского Союза и Советской Армении. Поэтому ссылаться на них нам не следует. В целом у меня очень серьёзные сомнения в необходимости принятия республиканского указа о Дне памяти геноцида. 70 лет у нас не было такого указа, и нет необходимости принимать его сейчас. Может быть, следовало бы и выступить в центральной печати, разоблачить происки империалистических сил, направленные на разжигание националистических страстей. Ясно одно, что сейчас надо мобилизовать всю армянскую партийную организацию в целях сплочения советских людей, воспитания их в интернационалистическом духе.

Чебриков. Мне хочется отметить, что, начиная с 1965 года, мы вынуждены были ежегодно заниматься вместе с ЦК Компартии Армении вопросами, связанными с памятью геноцида. Напряжение среди населения республики всё же существует, и довольно сильное. Каждая семья действительно здесь имеет предков, которые явились жертвами геноцида. Поэтому раз навсегда отказа от тех мероприятий, которые уже проводились в республике, мы допустить, на мой взгляд, не можем. Всё, что проводилось ранее, надо, видимо, сохранить, но не допуская при этом никаких осложнений с Турцией. При этом надо учитывать, что всё, кроме республиканского указа, в республике уже принято и осуществлено. Мы не можем отказать от мероприятий, к которым народ уже привык.

Что касается наших предложений, то их надо, конечно, хорошенько взвесить, и если будет в этом необходимость, вернуться к ним несколько позднее.

Тихонов. При Ленине тоже этого не было.

Чебриков. В целом мы, видимо, можем, не вводя ничего нового, сохранить те мероприятия, которые проводились в прошлом.

Громыко. Руководство республики должно серьезно поработать.

Горбачёв. Если бы у нас не возникло сомнений, то Секретариат не внёс бы этот вопрос на рассмотрение Политбюро ЦК. Думаю, что сегодняшнее обсуждение обогатило наше знание этого вопроса, и мы правильно поступили, когда вынесли его на рассмотрение данного заседания. О внесённых предложениях, кроме Демирчяна К.С., никто не знает и не надо, чтобы кто-либо о них знал. Мы не должны проводить новые мероприятия.

Кузнецов. Правильно.

Горбачёв. Но и отказываться от того, что проводилось ранее, не следует.

Громыко. Можно и старое провести по-новому.

Горбачёв. Мы можем прийти к согласию, чтобы статья с упоминанием геноцида была опубликована только в «Правде». Что касается мероприятий, которые будут проводиться в Армении, то нужно исходить из нашей принципиальной, классово-позиции, перенося центр тяжести не на прошлое, а на те достижения, которые имеются в Советской Армении, на те задачи, которые предстоит решать республике, её коммунистам.

В частности, у нас есть поручение рассмотреть в ЦК КПСС вопрос о дальнейшем развитии города Еревана. Было бы лучше принять постановление по этому вопросу накануне годовщины геноцида.

Я думаю, товарищ Демирчян К.С., что здесь правильно была отмечена необходимость того, чтобы армянские коммунисты действовали ещё настойчивее и ещё активнее. А если какие-то вопросы в связи с годовщиной геноцида всплывут, то у республиканской партийной организации всегда есть возможность их поставить перед Центральным Комитетом партии.

По всей видимости, мы могли бы включить в решение Политбюро ЦК предложение о том, чтобы разрешить ЦК компартии Армении отметить 70-летие геноцида армян, исполняющееся в апреле 1985 года, осуществлением традиционно сложившихся общественных мероприятий, основываясь на предложениях ЦК Компартии Армении и учитывая обмен мнениями, состоявшийся на заседании Политбюро ЦК. Одновременно можно было бы поручить редакции газеты «Правда» выступить по этому поводу с редакционной статьей об исторических достижениях армянского народа в составе нашего Советского Союза.

Члены Политбюро. Правильно.

Постановление принято.

На этом заседании председательствовал М.Горбачёв, который к тому времени был секретарем ЦК и заменял тяжело больного Черненко. Через считанные дни, 11 марта того же года, Михаил Сергеевич станет Генеральным секретарем и займёт высший пост в стране.

В ходе заседания, особенно в начале, явственно ощущается его проармянский настрой. С другой стороны, этот документ явно наводит на определенные размышления. Я не намерен давать оценку выступлениям, комментарии тут, как говорится, излишни. Читая выступления Тихонова, Громыко, Гришина, Зимянина, вспоминаю один эпизод: я несколько раз беседовал с Гейдаром Алиевым об армянской агрессии. Навсегда запомнились его слова: «После Брежнев-а армяне очень хотели активизироваться. От Горбачёва толку было мало. Тогда я провёл конфиденциальные встречи с Тихоновым, Громыко, Гришиным, Зимяниным, Рыжковым, Лигачевым. Довёл до их сведения исторические истины о «геноциде», Гарабахе, а также нынешнюю реальность».

Гейдар Алиев поступил резонно, не взяв слова на том заседании. Тем не менее, предложения К.Демирчяна были отвергнуты. В Иреван он вернулся весьма удручённым. 70-летняя годовщина была проведена в более узких рамках, чем даже 60-летие.

МЫГРЫ

Энциклопедические данные: Разговор пойдёт о судьбах живописного анклава прежнего Зангезурского уезда, до 1918 года входившего в состав Елизаветпольской (Гянджинской) губернии Азербайджана.

В 1918 году армяне захватили значительную часть Зангезура, Мыгры в том числе, истребив часть азербайджанцев, а других жителей вынудив бежать в Нахчыван (Ордубад) и в низину уезда (Зангилян).

В 1920 году, после советизации, Мыгры (позже мы остановимся на этимологии этого топонима) был безоговорочно «пристёгнут» к ранее захваченным дашнаками азербайджанским землям. Контур этого анклава по периметру – с севера Кафанский район, с запада – Ордубадский район Нахчыванской автономной республики Азербайджана, на востоке – Зангилян (ныне также захваченный наследниками дашнакских предков), а с юга – территория Ирана.

Теперь – о топонимии. Слово Мыгры (мы начали с русской транскрипции этого названия), этимологически восходит к имени древнего азербайджанско-тюркского этноса – «Mıǵrı» («Мыгыр»), в разговорном произношении – Мыгры; в конце слова произошла инверсия: согласный звук поменялся с гласным местами.

В мои детские годы местные жители, как земляки, так и соседи – нахчыванцы, зангилянцы, кафанцы – этот район называли «Mıǵrı» (пишу в латинской, более точной транскрипции). До двадцатых годов XX века в литературе и в архивных документах писалось так.

После советизации «Mıǵrı» в печати и в официальных разговорах и контактах трансформировалось на русский лад в «Мегри».

Профессор Газанфар Казимов во вступлении к монографии Ахмедали Алиева «Мегринский диалект азербайджанского языка» (Баку, 2003, «Элм») отмечает: «Это слово («Mıǵrı»), удобопроизносимое и для армянского языка, – чисто тюркское слово, название одного из древних зангезурских сёл». Историки восстановили подлинник топонима в виде ««Mıǵrı». От него берут истоки многочисленные производные названия: на территории района протекает река Мыгрычай, впадающая в Араз, есть ороним – гора «Мыгрыдаг».

Б.Будагов и Г.Гейбуллаев связывают этимологию слова «Mıǵrı» с древним локальным тюркским понятием: «mıqır» – «михор», означавшим «яр», «обрыв», «пропасть». К.Мурзаев в «Топонимике Востока» (1964, с. 253) объясняет это слово как «место со множеством плато, увалов, обрывов». Однокоренные дальние «родственники» топонима – село Мигарлы в Борчалы (Грузия), река Микирли (Закаталы), в самом Зангезуре – села Большое Мыгры и Малое Мыгры. На территории Имишлинского района расположено Мухуртепе, в Агджабеди – урочище Мухур, в Зангезуре – гора Мухуртовлайан, все эти названия считаются однокоренными.

Отмеченные топонимы и гидронимы подтверждают древнетюркские корни рассматриваемого слова. Иные авторы интерпретируют топоним на персидский лад как «Mehri», меняя «г» на «h» («Mehri» означает «любовь», «солнце», «теплое расположение»). Но изыскания свидетельствуют о несостоятельности этой версии. Часть местного населения употребляет слово «Miḡri» («Мегри») с метатезой, в форме «Мирги». А «мир» в древнетюркских памятниках означает «мёд» (Древнетюркский словарь, с. 345).

Но варианты орфоэпии слова на различных языках мира говорят о его метаморфозах. По латыни «мед» звучит как «мел», «меллис», по-французски – «miel», по-монгольски – «бал», на русском языке – «мёд», на хакасском – похожее «mööf» и т.д. Без учёта вариации гласных, разница здесь сводится к чередованию «б – м», характерной модуляции в тюркских языках.

Всё это совершенно исключает армянскую этимологию этого понятия. По нашему мнению, оно связано с употребляющейся в «эрнезурском» диалекте (и во многих азербайджанских говорах) лексемой – «мухурн», то есть имеется в виду кибитка, обитая сверху и по бокам войлоком, «алачик».

По сути, понятие «алачик» семантически связано с «мухури» и однокоренным семейством «мигир» – «микир», то есть означает жилище, сработанное на увале, обрыве, круче. В представлениях местных аборигенов «мухури» – не комфортное жильё, а примитивный, скромный «алачиг», сооружённый из ветвей деревьев и подручных средств.

«Йарган» – плоскогорье, обрывистая падь, крутизна, стоянка первобытных людей. А «чадыр» – шатёр – алачик – жилище древних тюрков, которое в «Деде Горгуде» именуется как «отаг» (комната). Сопряжение рассматриваемого нами топонима с понятиями «мир» (мёд), «мирлыг» («медвяное») – не столь убедительно.

Да и ассоциация с «йарганом» (обрывом, расщелиной, распадком) недоказательна в той степени, как соотнесение топонима с «мухури» – «алачик». Тюркская этимология его аргументируется убедительными научными доводами.

С восьмидесятых годов прошлого века в нашей печати появилось искажённое – «Mehri». Но это ошибочно.

Строки из «Энциклопедии советской Армении»: *на территории нынешнего района Мыгры еще с каменного века жили люди. В 428 году вместе с другими областями Сюника территория Мыгры находилась под властью Ирана. В 640 году территория оккупирована арабами. В 886 году перешла под эгиду Багратидов. В XII – XIII веках была под властью турок-сельджуков. Позднее территория района находилась под властью монголо-татар и Сефевидов. В 1730 году эту территорию заняли турецкие войска. Спустя десять лет армия Надир-шаха оккупировала территорию района. В 1828 году Мыгры вошел в состав Карабахской области (созданной в 1822 году). Мыгры (Мегри, Мигри) после советизации, до тридцатых годов, до создания административного района, оставался уездом.*

Эта краткая историческая справка отражена, как мы сказали, в Армянской советской энциклопедии. Но Зангезур никогда не был армянской землей. Авторы Армянской энциклопедии обходят молчанием насильственное отторжение Зангезура от Азербайджана и присоединение его к Армении. На фоне этих потрясений менялся и демографический состав анклава.

Население. Население Зангезура до средних веков состояло исключительно из азербайджанцев, а с начала XVI века – из азербайджанцев и армян.

В 1831-1918 годы азербайджанцы здесь составляли примерно 60 процентов населения. В 1831 г. азербайджанцы составляли 1143 человека, армяне – 1031 человек, в 1873 году азербайджанцы составляли 2997, армяне – 3001, в 1897 году соответственно 4998 и 5765 человек.

В 1918 г. разбойные отряды Андраника предали огню азербайджанские сёла, в том числе Мыгры, превратили наши очаги в пепелище, истребили жителей и вынудили бежать за Араз, в Южный Азербайджан, в Нахчыван и Зангилян.

В телеграмме № 114 уездного начальника Зангезура и его рапорте Гянджинскому гу-

бернатору от 15 декабря 1918 года резня и грабеж, учиненные Андраником в Мыгры, описываются так: «Вопреки данным обещаниям англо-французским представителям, армяне во главе с Андраником разрушили, сожгли и разграбили свыше 30 мусульманских (азербайджанских) сёл. Не успевшие бежать сельчане были зверски истреблены. 3-го января получено сообщение, что армяне полностью разрушили село Разидаре 4-го участка, уничтожили часть населения. Всю вину за это армяне велят на Андраника и его отряд. Соседние армянские крестьяне разорили и сожгли мусульманские сёла Алдере, Мерзегат и Тугут. Окружили и подвергли обстрелу сёла Нуведи и Эйназур».

Как видно, сценарий таков: прогнать азербайджанцев из всех районов Зангезура и, доказывая, что его национальный состав состоит только из армян, присоединить к Араратской (Армянской) Республике.

26 ноября 1918 года начальник Зангезурского уезда сообщал в рапорте: «Армянские отряды разгромили мусульманские (*азербайджанские – Г.*) сёла в Мыгрынской долине...» Перечисляются прекращённые «дымы» (погашенные очаги) в сёлах Лехваз, Тэй, Мюльк, Гул, Беновша-пудж, Тагамир, в Первом и Втором Вартанизоре (моём родном селе Маралземи, переименованном дашнакскими «перекройщиками»). Десятки, сотни очагов...

Пройдут многие годы, пока часть обездоленных людей сможет вернуться к пепелищам и руинам родных очагов, оставшимся со времён андраниковских расправ. Дискриминация и вытеснение азербайджанцев продолжались. Если в 1914 году в наших краях числилось 1554 человек азербайджанцев, а армян 6370 человек, то есть в четыре раза больше, то в 1926 году наших соотечественников немного прибавилось (1985 азербайджанцев и 6519 армян). Межнациональные отношения были хуже некуда, при том, что в тридцатых годах свыше трети населения составляли азербайджанцы.

До конца 50-х годов один из райкомовских секретарей неизменно был азербайджанцем.

Однако в середине 60-х годов секретарь райкома партии Али Джафаров был сменён армянином, после чего начался процесс явного вытеснения азербайджанцев из района. Однако гонимые люди сопротивлялись управляемым из Иревана шовинистическим силам. В результате Центру пришлось в семидесятых годах смириться с назначением азербайджанца Гасана Мусаева на пост секретаря Мыгрынского РК партии. Сперва он работал третьим секретарём райкома, затем вторым...

От Сергея Тевоняна, долгие годы проработавшего у нас председателем Мыгрынского райсовета, а затем первым секретарём райкома партии, я слышал характерное признание, когда он был не у дел и жил в Иреване. Мы случайно встретились на центральной площади, перед зданием Совета министров.

Сергей пальцем указал на здание правительства:

– Все дело их рук... Меня вызвал к себе Арзуманян (председатель Совмина) и упрекнул, мол, очень ты большую волю даёшь туркам (то есть *азербайджанцам – Г.*), выдвигаешь их, а надо их прижимать, чтобы они сами сбежали. И я выложил ему: «У Мыгры свои традиции, здесь не было никогда дискриминации. Есть высокообразованная азербайджанская интеллигенция... Начну их «зажимать» – ситуация будет неуправляемой. И армянская общественность района не поймет этого. Я много чего сказал ему, в конце концов он понял, что не может объяснить мне их политику и с очень недовольным видом распрощался. Через пару месяцев после этой встречи меня уволили безо всякой причины...

Отстранив Тевоняна, заменили его на секретарском посту местным армянином Юриком Аракеляном, и сразу избрали депутатом Верховного совета (в отличие от Тевоняна, долгие годы проработавшего первым секретарём), дали «важные» поручения. Но Ю.Аракелян тоже не смог «оправдать доверие». Он был человеком местным, у него были давние добрые отношения с местными азербайджанцами, которые непросто было растоптать. Кроме всего прочего, «статус» наших соотечественников в Мыгры был достаточно высок.

Поэтому, не дожидаясь конференции районного комитета партии, Юрика «убрали». Из Иревана, из ЦК партии прислали некоего Тельмана Диланяна, исполнительного функционера с «шовинистской начинкой». Он добился увольнения Гасана Мусаева (второго секретаря рай-

кома) и «избрания» на эту должность армянина. Вообще, до распада СССР в район на руководящие посты присылали работников только извне, чужаков, не знающих местных условий, не связанных никакими узами и традициями.

В 1988 году на уровне правительства Армении, при непосредственном участии всех партийных и советских организаций и административных органов района, в соответствии с полученными общими указаниями из центра республики, в течение недели население всех азербайджанских сел района насильственно было изгнано. Стоившее миллионы колхозное имущество азербайджанских крестьян, все жилые дома, сады, личная собственность – все было у них отнято.

На территории Мыгрынского района издревле было много памятников IX-X веков, албанские храмы, башни и развалины строений. Теперь, чтобы затерять их следы, армяне прибегают ко всякого рода фальсификациям. В числе пострадавших – стёртые с лица земли армянскими националистами сотни мыгрынских населенных пунктов – Бановшапуч, Бугакяр, Лёк, Вахрувер, Дюз Гышлаг, Алдере, посёлок рудодобытчиков Акарак, Эйназир, Гул (Нор Арвик), Лехвазе. Наконец, в этом печальном ряду и моё родное село Маралземи, расположенное на левобережье реки Мыгры. В советские годы мое село входило в сельсовет Лёк (Вартанизор). В некоторых армянских источниках возникновение села обозначается 1831 годом, но исторические памятники на территории села свидетельствуют о более древней хронологии.

Численность населения нашего невеликого села колебалась. В 1831 году тут проживало 118 человека, в 1904-ом – 951 человек. Дважды в начале XX века, в 1905 и в 1918 году, село подвергалось разрушениям и расправам, во второй раз эта кровавая акция вследствие политики дашнакского правительства сопровождалась массовым истреблением населения почти в тысячу человек.

Зангезурский уездный начальник 26 ноября 1918 года в своём рапорте сообщал: «Армянские отряды Мыгрынской долины разорили в Первом Вартанизоре 100 «дымов» (домов) и во Втором Вартанизоре (Маралземи) 60 «дымов», убили 200 человек мусульманского населения». Несколько лет Маралземи, как и другие сёла, оставалось обезлюдившим пепелищем. Только в 1922 году, после установления советской власти в Армении, 8 процентов беженцев (66 человек) смогли вернуться к покинутым очагам.

Несмотря на проводимую в районе во все годы советской власти дискриминационную национальную политику, осиротевшее село возродилось усилиями вернувшихся тружеников, обросло домами, клубом, библиотекой. Жаль, что даже в советское время в селе не удалось открыть восьмилетней школы.

Восстановление дашнакской партии на официальном государственном уровне развязало руки националистам, распалило утопические грёзы о создании моноэтнической армянской республики, для чего нужно было изгнать азербайджанское население. В ноябре 1988 года эта стратегия докатилась и до Мыгры. Жители Маралземи уже в третий раз за столетие пережили горькую участь изгнанников...

Село наше находилось на высоте 500 – 550 метров над уровнем моря, в благодатном горном, истинно курортном местечке на берегу реки Мыгры. Поэтому районные руководители сделали все, чтобы при депортации 1988 года мои односельчане не смогли обменять свои удобные, благоустроенные дома на жилье в Азербайджане, чтобы они достались состоятельным армянам как дачные дома.

Они добились своего. Постановлением правительства Армении от 11 июня 1988 года за номером 353 село Маралземи было включено в перечень «освободившихся». Покося, сады, посевные земли, приусадебные участки общей площадью около семисот гектаров были выставлены на приватизацию по скидке...

Не могу не вспомнить здесь уроженца нашего села Али Мамедова – веши его биографии и восхождения вызывают чувство высокого уважения. Али-муаллим возглавлял райкомы партии в Мыгры, Веди, Амасии, служил на ответственных постах ЦК Компартии, в президиуме Верховного Совета Армении. Через его сердце прошла «вольтова дуга» потрясений и бед-

ствий, о которых я поведал здесь.

Азербайджанское село Нуведи расположено в 28 километрах от Мыгры, на стыке с Зангиланским районом. При советизации большевистскими «ножницами» Зангезурский уезд Гянджинской губернии был отрезан от Азербайджана и «приторочен» к Армении. До 1929 года село административно подчинялось тогдашнему Джабраильскому уезду, на этом «административная чехарда» не кончилась: в феврале того же года чиновные стратеги Закфедерации на основании нижеприведенного документа «перебросили» село в состав тогдашнего Мыгрынского района Армянской ССР.

...Нуведи – азербайджанское село. Расположено в 28 км от райцентра, на границе с Зангиланским районом. После того, как Зангезурский уезд Гянджинской губернии был передан Армении, до 1929 года село Нуведи с административной точки зрения было в ведомстве Джабраилского района. 18 февраля 1929 года село было включено в состав Мыгрынского района Армянской ССР.

Нуведи был одним из древнейших сел Азербайджана. Исторический возраст Нуведи исследовал покойный учёный Гамза Алиев (Велиоглу), хранивший несколько каменных письмен-артефактов об истории села. Выступавший в печати с 1985 года Гамза Алиев написал об истории Нуведи, опубликовал изображение камней, рассказал о надписях на них. Эти камни свидетельствовали о том, что памятники Нуведи-Гаргадаши имеют более давнюю историю, чем Орхон-Енисейские письмена! Письмена, о которых идёт речь, начертаны на той же графике, что и известные Орхон-Енисейские памятники. Анализ текстов позволяет вести отсчёт истории Нуведи с тысячелетней и большей давностью.

Увы, после депортации на исходе XX века древнее село превратилось в пепелище и руины... Нувединцы не раз обращались к властям с требованиями об отмене постановления Закфедерации от 1929 года. Их прошения рассматривались на Бюро ЦК Азербайджана (в ноябре 1968 года), затем Верховным Советом Азербайджана давний вердикт Закфедерации был «узаконен» (в мае 1969 года); село вывели из состава Зангиланского района. Однако «хождения по мукам» не завершились, грянула новая волна депортации на исходе века. Нувединцы вновь воззвали к руководству, на сей раз иреванскому, требуя отмены упомянутого указа. Но «глас вопиющего в пустыне» не был услышан... наследники андраниковских банд дотянулись до села – и сценарий повторился. Повторилось то, о чём ещё 15 декабря 1918 года начальник Зангезурского уезда рапортовал Гянджинскому губернатору: «Армяне соседних сёл разгромили и сожгли мусульманские сёла Алдере, Марза и Тугут, окружив сёла Нуведи и Эйнезир, подвергли их обстрелу».

Жители Нуведи оказали отчаянное, стойкое сопротивление (как и в 1918 году!) погромщикам, но силы были неравны.

До конца ноября 1988 года уже свыше 200 тысяч азербайджанцев были изгнаны из Армении, но Нуведи оставалось последним оплотом сопротивления ещё долго – два года и девять месяцев.

8 августа 1991 года армянские вооружённые формирования при поддержке советской армии изгнали с исконных земель жителей последнего азербайджанского села Армении Нуведи – 1700 человек (согласно переписи 1979 года).

Это было третьим нашествием армян на село Нуведи. Я не сказал ещё о самом первом набе на село в 1905 году, когда завязались ожесточенные сражения, и нувединцы смогли защитить свое село, а в 1918 году не выдержали натиска, переправились через пограничный Араз и нашли пристанище в Южном Азербайджане, в Мисане. У тогдашних беженцев родились потомки, разрослась родня.

До поры до времени нувединцы, памятуя о советских табу, не заикались «о родственниках за границей». Надо сказать, что уроженцы села снискали широкую известность на поприще науки и народного хозяйства. Из села вышли пять докторов наук, действительный член Академии Наук и один член-корреспондент АН, свыше сорока кандидатов наук, сотни дипломированных специалистов.

В воспитании поколения интеллигенции, в обеспечении их успешной карьеры велика

подвижническая роль и заслуги кандидата экономических наук Джалала Алиева, долгие годы проработавшего в Нуведи директором школы и председателем колхоза. Он ушёл из жизни в 2001 году. С чувством благодарности мы, земляки, вспоминаем Гасана Мусаева, многие годы работавшего в мыгрынских районных организациях на ответственных постах, а затем на посту второго секретаря районного комитета партии, и его брата аксакала-педагога Ази Мусаева...

Село Нуведи занимало длинную, многокилометровую (22 км) полосу, отделявшую Азербайджан от Нахчывана (всего 46 км). Это обстоятельство не позволяло армянским посягателям «развернуться». В середине 1980 года по дальновидной инициативе руководителя республики Гейдара Алиева начали прокладку автотрассы из Баку через территорию Мыгрынского района – дороги, имевшей к тому же военное и стратегическое значение. К сожалению, её успели дотянуть только до Нуведи (434 км.). Провокационные силы воспрепятствовали этому. Если бы строительство этой дороги было завершено своевременно, то сегодня, скорее всего, там не было бы армян, они покинули бы эту территорию.

С конца 1988 года интеллигенция села неоднократно обращалась к руководству Азербайджана за поддержкой в вопросах обороны. Отдельные организации помогали нувединцам, навещали село. Целые организации брали шефство над Нуведи. Но тогдашнее правительство Азербайджана не оказало никакой помощи, чтобы защитить село. Поэтому нувединцы обратились к своим соотечественникам, азербайджанцам:

Обращение жителей села Нуведи Мыгрынского района Армянской ССР:

Мы обращаемся к вам, азербайджанские собратья по крови, опора наша в тяжкие дни! Село Нуведи переживает самые бедственные дни.

18 февраля 1918 года наше село решением Закфедерации было отторжено от Азербайджана и передано Армянской ССР... Это решение, сорок лет пролежавшее без утверждения, 7 мая 1969 года было утверждено постановлением Верховного Совета Азербайджанской ССР.

За 60 лет нашего проживания в Армянской ССР местная власть не решила никакого социально-культурного и экономического вопроса.

Население прозябает в рабском положении. В последний год жители лишены элементарных конституционных прав. В частности, не получают советской печати, телевизионные каналы и коммуникации прерваны, почтовая телеграфная служба приостановлена, сельчане лишены главного топлива – газоснабжения. Разве примет Аллах подобные мытарства? Армянские жители получают от Азербайджана газ, нефть, а мы здесь мёрзнем в холодных домах без света. Всеми способами нас пытаются выжить из родных мест. Но мы не поддаемся никаким провокациям, запасаемся терпением и надеемся, что наш народ услышит наш голос!

Уже семь месяцев как оба наших магазина закрыты. Не завозят продуктов питания, промтоваров.

На замке и сельская ковровая фабрика – сельчане из-за безработицы вынуждены покидать родные очаги, пополняя ряды беженцев.

Из-за бесхозности 200 тонн урожая колхоза и колхозников пропадают. Колхозники, служащие, пенсионеры не могут своевременно получать зарплату, живут в нужде и смятении. Наши ходок в райцентр избивают, оскорбляют, унижают. Нас не считают за граждан Армении. Смотрят на нас как на заложников.

Мы не смирились с этим! Коллективно обращались к руководству Армении и Азербайджана, к союзным органам! Но никакой реакции и помощи не увидели! Напротив, после этих жалоб шестеро жителей, поехавших по колхозным делам, были избиты, в машину шофёра была подложена самодельная бомба, его оклеветали и завели уголовное дело!

Два грузовика были раскурочены и оставлены в залог.

Наши труженики устали взывать к Советской власти! Нас не принимают за людей.

Проверочные комиссии фабрикуют ложные сведения. Мы просим азербайджанский народ присоединиться к нашим протестам, потревожить союзное правительство и депутатов

Верховного Совета СССР, чтобы группа депутатов прибыла в наше село! Донесла до всего советского народа реальное положение нашего села.

Мы надеемся, что радетельный азербайджанский народ подхватит наш призыв и не оставит в тисках блокады без защиты и помощи 1300 человек нувединских азербайджанцев! Газета «Азербайджан», 10 октября 1989 г.

Однако в деятельности правительства Азербайджана никаких подвижек не наблюдалось. Ровно годом раньше до этого обращения, как и в прежние времена, нувединские жители обратились в Верховный Совет Азербайджана и Зангиланский райсовет с просьбой утвердить их решение о переходе под юрисдикцию Зангиланского района. Просьба осталась без ответа. Тем временем маховик машины массовой депортации был раскручен...

Изгнание сотен тысяч людей стало трагическим фактом в начале девяностых годов. Москва направила в Баку искушённого эмиссара В.Поляничко вторым секретарём ЦК КП Азербайджана. 7 августа 1991 года второй секретарь прибыл в Зангилан, собрал народ, вызвал туда и нувединских аксакалов. Провёл беседы с каждым наедине. Дал слово, что будет защищать и отстаивать село «до последней капли крови».

В ходе беседы Поляничко признал: «Положение тяжёлое, надо отправиться в Москву за помощью. Правительство Азербайджана обвиняет Армению, что там не осталось ни одного азербайджанца, а те тычут нам в глаза Нуведи и нувединцев. Если азербайджанцы покинут Нуведи, тогда армяне укоротят язык, и мы разоблачим армян в международном сообществе».

После этой многообещающей тирады партийный эмиссар обращается к Ахмедали Алиеву:

– А каково ваше отношение к этим событиям?

– Нувединские колхозники, труженики, интеллигенция с 1988 года и до сих пор достойно исполняли свои обязанности. Теперь слово за правительством – руководством Азербайджана.

– Сколько в вашем селе людей в погонах – все они ваши верные друзья! – заверяет Поляничко.

Но спустя семь – восемь часов село было совершенно очищено от жителей. Это еще раз показало степень двуличия и коварства Поляничко.

...8 августа, в пять часов утра в верхней части села в небо взвилась красная ракета. Затем войска, призванные защищать Нуведи, начали покидать село.

Сельчане диву даются, в тревоге спрашивают у солдат, которых долгое время прикармливали, кормили, ничего не жалея:

– Куда же вы?

– Таков приказ.

Отчаявшиеся сельчане были вынуждены покинуть село и устремиться к железнодорожной станции вблизи границы с Ираном.

Отметим, что у сельчан, памятующих о прошлом, были кое-какие запасы оружия. Под предлогом объявленного в районе ЧП военные начальники «сообщили о предстоящем изъятии оружия». Напуганные нувединцы попрятали свое оружие у родственников и знакомых в Зан-гилане. Сельчане остались безоружными. Армяне по мере исхода нувединцев, двинулись вперёд, открывая огонь. Через три дня, 11 августа, после того, как азербайджанцы покинули село, В.Поляничко вызвал к себе на Сыгыртскую заставу нувединских аксакалов, а также упомянутых выше директора и завуча школы Джалала Алиева и Ази Мусаева. Там же, на заставе, были представители армянской стороны, которые ультимативно потребовали: разместить в Нуведи 57 армянских семей, создать милицейский пост во главе с начальником Мыгрынского райотдела внутренних дел. Принять такой ультиматум было невозможно.

Таким образом около трёх лет мужественно отбивавшиеся нувединцы были вынуждены разделить участь беженцев.

8 августа 1991 года последнее азербайджанское село было оккупировано армянами, носителями идеи «Армения без турок». И все это на фоне равнодушия руководства Азербайджана.

В действительности Нуведи стало началом будущих мучений и страданий азербайджанского народа. Шуша, Лачин, Кельбаджар, Агдам, Физули, Джабраил, Кубатлы, Занги-лан... – все это было продолжением нувединской трагедии.

Из рассказа Маила Аманова, депутата Верховного совета Армении 1985-1990 годов, кандидата ордена «Знак Почёта», возглавлявшего нувединский колхоз, защитившего кандидатскую диссертацию в Иреванском институте сельского хозяйства:

«...22 ноября 1988 года я участвовал в известной сессии Верховного Совета Армении как единственный депутат от азербайджанцев. В работе сессии участвовал и Аркадий Вольский. В ходе сессии Михаил Горбачёв позвонил первому секретарю ЦК Компартии Арутюняну и Вольскому. Последний, выступая на сессии, передал приветствие Горбачёва депутатам и армянскому народу: «Горбачёв просил довести до вас, что не оставит армянский народ в беде, армянский народ с нами, мы всегда будем его защищать».

В своем выступлении Вольский также сказал, что мы не останемся безучастными к создавшемуся положению относительно армян в Баку, Гяндже, Нахчыване, призовем их (т.е. азербайджанцев) к строгому ответу.

После переговоров Арутюняна и Вольского с Горбачёвым они направили районных руководителей в районы и села с четким заданием – изгнать из районов и сёл азербайджанцев».

Об антиазербайджанской позиции Вольского неоднократно сообщалось тогдашнему руководству Азербайджана. Несмотря на это, Вольский был избран депутатом Верховного Совета СССР от нашей республики.

Нувединец академик Фикрет Алиев вспоминал: *«После событий 1988 года Азербайджан сотрясали политические катаклизмы, и по мере этого ситуация усугублялась. Депортация азербайджанцев из Армении и беспомощная власть Везирова еще больше усугубили положение. В силу этого народ был вынужден сам защищать себя. В этот период создавались различные общества. Часть из них была движима личными интересами, жадной поживиться, а другая часть исходила из искреннего стремления рассеять чёрные тучи, сгустившиеся над Азербайджаном, и в меру возможности облегчить бедствия нации.*

Осенью восемьдесят девятого года железная дорога из Мыгры в Нахчыван была закрыта, и Нахчыван оказался в полной блокаде. Тогдашнее руководство словно желало этого, заняв позицию стороннего наблюдателя.

В Нуведи тоже положение было крайне тяжелым. Был создан «Нувединский комитет». Мы полагали, что, поддерживая связь с ними, сможем утрясти наши дела. С комитетом была проведена существенная работа. Но целеустремленная провальная деятельность тогдашних правителей уже делала своё дело: «разделяй и властвуй»... Мы обращались ко многим отработчикам, никто практически не помог нам.

После многих трудностей удалось организовать защиту Нуведи нахчыванскими частями КГБ. Но уже через некоторое время эти военнослужащие КГБ стали учинять различные диверсии в селе, грозиться, что перестанут защищать сельчан, и открыто усердствовали в изгнании нувединцев.

Я отправился в Москву на приём к тогдашнему председателю Верховного Совета СССР Лукьянову. Меня принял его помощник Александров. Когда я рассказал ему о дискриминации со стороны советских солдат в Нуведи, которые мучили народ, он взъелся: «Это армянские земли, чего вы хотите, убирайтесь!» И пригрозил мне арестом.

Вернувшись в Баку, я узнал о прибытии в столицу Азербайджана российского депутата Шабата, который задался целью вернуть на свои исконные земли нувединских беженцев, ютившихся в палатках в зангиланском селе Вежнали.

Я направился к визитёру из Москвы, чтобы выяснить его цели. Подходя к дверям его комнаты, я услышал международный телефонный разговор и прозвучавшее имя «Зорий» (ясное дело, собеседником был небезызвестный Зорий Балаян). Они договаривались о зав-

трашной встрече. Узнал, что над группой, направлявшейся в Вежнали, нависла угроза попасть в заложники. Я понял уже бессмысленность поездки группы туда, отсоветовал. После этого я решил отправиться в Нахчыван, к недавно избранному председателю Верховного Меджлиса автономной республики Гейдару Алиеву. В аэропорту была суматоха, неразбериха. Билеты не достать. С трудом дозвонился до Гейдара Алиева, объяснил ситуацию. В тот день у нас состоялось четыре телефонных разговора. Гейдар Алиев отправил вертолётном напрямик в Вежнали десять солдат, прибывшего из Москвы телерепортёра и своего представителя, обеспечив защиту людей.

Из Нахчывана поступала материальная помощь, оказывалась моральная поддержка нашим обездоленным собратьям»...

***

В детстве я слышался преданий и стихов о пребывании легендарного Кёроглу в наших мыгрынских краях.

Более того, я застал живых свидетелей, хранивших память о том, что другой народный герой, Гачаг Наби (реальное историческое лицо), проезжал с отрядом своих людей через наши места, остановился на околище в нагорной части Маралземи и отправил двух верховых к семейству своего друга, Султана-юзбаши, за съестными припасами; Султан-юзбаши отсутствовал, моя бабушка Зийнят-ханым поручила честь по чести приветить и угостить знаменитого Гачага Наби и его товарищей, закололи трёх барашков, несколько аксакалов накрыли на лужайке щедрые столы. Наби, узнав об отсутствии хозяина, огорчился, что Султан-ага в отъезде (уехал в Горис), сожалел, что гостевать приходится без друга. Там шашлыки нанизывал на шампуры и жарил мясо, обслуживая гостей, подросток по имени Бедел; по прошествии ста десяти лет, уже убеленный сединой, аксакал Бедел-киши поведал мне эту историю; при том давнем гостевании он догадался, что легендарный Наби знаком накоротке с моим дедом...

Спустя несколько дней Султан-юзбаши вернулся из Гориса очень расстроенный и хмурый. Бабушка моя, его супруга, спросила, в чём дело; оказалось, что его друга Мехти армяне вероломно убили в Гарчиване (в некоторых источниках пишется «Гырчеван»).

До середины XIX века этот топоним обозначался «Гырчеван» и так же, как Девеземи, эта территория была азербайджанским тюркским населённым пунктом.

Исследователи Ахмедали Алиев и Исмаил Алиев в этой связи отмечают: «До заселения армянами село между железнодорожной станцией Мыгры и Ордубадом именовалось Гырциваном (Гырхциваном). В этом селе был предательски убит армянами брат Гачага Наби – Мехти... Об этом селе писал в очерке «Джамал» знаменитый азербайджанский романист Мамед Саид Ордубади».

Легендарный Гачаг Наби проезжал на коне через горную грядку Маралземи после побега из заточения в каземате Гориса. Этот каземат сохранился и поныне – там находится тюрьма. В 1970 году я отправился в путь с целью увидеть этот исторический объект. Пришлось преодолеть чиновные препоны, но учли мой писательский статус, и со скрипом, но пустили.

Однако начальник тюрьмы, угрюмый тип, шовинист, антиазербайджанский настрой которого был написан у него на лице, упёрся: дескать, Наби не содержали в этом каземате, это выдумка. Я настаивал, но тюремный цербер был непробиваем. Как только я вернулся в гостевой дом, позвонил знакомому, министру МВД Армении Владимиру Дарбиняну, национализм которого явно не прочитывался. Так или иначе, он сделал «втык» тюремщику, тот засуетился, позвонил мне в гостевой дом и предложил заехать на машине за мной...

А мне надо было увидеть камеру, где томился Наби! Показали камеру. Мол, она самая, все сохранено, как есть.

Тюремный начальник ахал и охал, каким же образом Наби удалось отсюда совершить побег?

Поскольку речь идёт о древнем Мыгры, о седых краях, горном приволье, я не могу без

горечи и боли вспоминать о заветных уголках, обезлюдевших и осиротевших на исходе минувшего столетия.

Люди приходят в мир и покидают его. Остаются горы. Стареют и горы, провожая поколения, проходящие через их лоно.

Когда испытываешь ностальгическую боль по родным краям, возвращаясь в детство, к первоистокам, – кажется, что эти горы и доли, родники, деревья, скалы и валуны, речушки и перекаты знают и помнят тебя... И таят молчаливую обиду за долгую разлуку...

И мысль об этой затаённой обиде родных обезлюдевших очагов не покидала меня, где бы я ни был, куда бы ни уводили пути-дороги. Это ощущение выплёскивалось в стихи.

*Однажды, сев в попутную машину,
В душе печаль, надежду затаив,
Махну туда, где горную теснину
С подолья видит отчая земля.*

*Меня приветит наша ребятня,
Поднявшая восторженный галдёж.
Потом смекнут, глаза на меня:
На городского дядя не похож.*

*Узнает, может, аксакал тогда,
Чей стан года согнули пополам.
– Вам магарыч за весточку! Айда!
Худуша сын пожаловал к нам!*

Тогда я и представить себе не мог, что родные края – и звонкий Мыгры-чай, и крутогорье Маралземи, и эйлаг Танрыгулу, и валун Гюльшах, и родник Шакарали, и одинокий Можжевательник, и ущелье Джавада, и Ореховая роща, и многое-многое другое, с чем я расставался прежде с лёгким сердцем, с воодушевлением, – превратятся в реальную сказку, печальную песню, баяты в сердце моём, и что по мере физического отдаления будет усиливаться притяжение духовное, и рождающиеся строки станут хрупким мостом, тоненькой нитью между отчуждением и кровной связью и родством...

***

Когда я начал работать в Иреванском театре (1968), репертуар состоял всего-навсего из трёх азербайджанских пьес. С 1978 по 1982 год и позднее на наших афишах появилось 27 названий спектаклей, которым была суждена долгая жизнь!

Сведущие в театральном деле знают, что сохранять в репертуаре двадцать семь пьес подчас не под силу даже академическим театрам. Все болели душой за наш театр – от актёра до осветителя, от постановщика до гримёра... Эта коллективная сплочённость и энтузиазм преодолевали все – и отсутствие стационарного помещения, и неудобства «походной» жизни, и нехватку дублирующего состава.

Лицо театра определяется репертуаром, а уровень – художественной ценностью сценических воплощений.

И сегодня немало театров, которые гонятся за зрителями. То и дело слышим: «На этом спектакле хорошая посещаемость». Спрашивается, чем вызван этот поток зрителей? Их тягой к содержательной драматургии, мастерству игры или любовью к «развлекаловке», к пустопорожнему лицедейству? В первом случае – браво театру, а во втором – будет лучше, если зритель посидит у себя дома и посмотрит какую-то интересную передачу по телевизору.

Конечно, театр живёт для зрителя. Прекрасный спектакль, даже шедевр при пустом зале – никому не нужен. Вспоминая годы работы в театре, репертуар тех времён, я рад, что

мы не гнались за дешёвым успехом и аплодисментами, не потакали вкусам зрителя с низким уровнем. Театр должен не идти за зрителем, а вести его за собой.

Театр наш развивался по восходящей. Начали мы с серьёзной драмы Ш.Курбанова «Без тебя» (пусть даже потерпели неудачу!), затем взяли за трагедию Дж.Джаббарлы «Айдын», далее обратились к национальной драматургии и мировой классике. Поставили «Бесприданницу» А. Островского, «Всё хорошо, что хорошо кончается» У. Шекспира. «Бесприданница» в закавказских театрах давно не ставилась. А шекспировская пьеса была почти забыта (только в 1948 году ставилась московским «Новым Театром», но без успеха).

Зная эту предысторию, мы приступили к работе: создали спектакли, привлекая внимание общественности и специалистов в Иреване. Причём наш пример сослужил добрую службу: Армянский академический госдрамтеатр обратил внимание на названную шекспировскую пьесу, имея солидные традиции в сценическом воплощении произведений английского классика. Правда, позднее пьеса «Всё хорошо, что хорошо кончается» сошла со сцены армянского театра. Наш спектакль был плодом неустанных поисков и вдохновенного труда исполнителей и прожил дольше. Я переводил это произведение на азербайджанский язык с любовью, дорожа каждой интонацией, колдуя над каждым словом. Классика в нашей интерпретации обретала современное, злободневное звучание: «Молла Ибрагим – алхимик» Мирзы Фатали Ахундова резонировал с мифотворчеством советской пропаганды, вызывал смех у публики.

На нашей сцене играли пьесу Александра Гельмана «Наедине со всеми», поставленная ранее во МХАТ и встреченная в штыки идеологическими надзирателями.

На афишах мы обозначали пьесу как «трагедию» – жанр, не уживающийся с советской идеологией. Ведь по социально-экономической концепции социализма в этой системе, якобы, вообще не могло быть трагедии.

Впервые за годы моего директорства в театре сотрудники КГБ Армении явно заинтересовались нашей новой постановкой: явились трое высокопоставленных сотрудников (один из них был молодой офицер Эльхан Ибрагимов, кстати, переведенный на работу в Иреван из Баку), которому было присуще чувство национального достоинства. Они устроили закрытый просмотр (двое других офицеров также знали азербайджанский), переговорили, судили-рядили, в конце концов заключили: «Такие постановки нужны».

После пьесы А. Гельмана мы взяли за постановку драмы Наримана Гасанзаде, посвящённой выдающемуся государственному деятелю и литератору Нариману Нариманову. Патриотический пафос и заряд драмы не мог не всполошить иреванских наблюдателей, которые начали вставлять нам «палки в колёса». Мы выдержали этот натиск. Режиссёр Гусейнага Атакишиев поставил впечатляющий спектакль! Актёр Шамиль Демирчиев создал живой, привлекательный образ главного героя.

Репертуар театра обогатили другие постановки – «Зачем ты живёшь?» Имрана Касумова и Гасана Сеидбейли, «Лето в городе» Анара, «Да будет праздник в каждом доме» Мара Байджиева, «Жизнь ожидает нас» Нахида Гаджиева, драма Мустафы Искендерзаде «Кто тебя позабудет?» (о жизни Микаила Мушфига), трагедия «Счастье, где ты?» Георгия Хагаева...

Вышестоящие инстанции назначили ежегодные «пропорции» в репертуаре: два произведения азербайджанского автора, одно – армянского, ещё одно – из российской, советской или мировой драматургии.

В 1970 году наш театр удостоился почётной грамоты ЦК КП, Верховного совета и правительства Армении. Вручавший её народный артист, видный режиссёр, председатель театрального общества республики Грачя Капланян не скрывал своего изумления:

– Вы – декабристы! Я желаю такой же преданности искусству каждому театральному коллективу!

Капланян говорил эти слова с разных трибун – на заседаниях Театрального общества, встречах с театральными коллективами, коллегиях Министерства культуры:

– Они поразили меня. Они декабристы!

***

Сколько раз Иреванский театр побывал с гастрольями в Тбилиси, Борчалы, Гараязы, Баш Кечиде, я не помню. Но пред моими глазами стоят переполненные залы, бурные овации, цветы, раскиданные по сцене, праздничная радость на лицах зрителей...

В те годы в Грузию с гастрольями выезжал только Иреванский Азербайджанский театр, и мы более других чувствовали тоску наших соплеменников по театру! Потому что мы сами несколько лет назад тосковали по нашему закрытому театру.

Явно чувствовалось, что здесь когда-то был очень сильный театр, люди получали удовольствие от сценических представлений, сформировался зритель, понимающий театр. У меня был разговор на эту тему с министром культуры Грузии, композитором Отаром Тактакишвили. Батоно Отар был выдающимся деятелем искусства, народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии, трижды лауреатом Государственной премии СССР. Любой представитель искусства мог бы гордиться такими званиями и регалиями. Но он был простым и скромным человеком. У нас с ним были хорошие отношения.

Во время приездов в Иреван на всесоюзные мероприятия и торжества Отар Васильевич не забывал позвонить мне как доброму знакомому, мы встречались на этих форумах, в кругу высокопоставленных лиц, и министр культуры братской республики не скрывал своего тёплого отношения к директору театра и азербайджанскому писателю. Подчеркнутая симпатия высокого гостя не ускользала от внимания армянских коллег и, как я чувствовал, вызывала у них ревность. Говорили, что у Гидаята Оруджева два основных министра: Рауф Гаджиев (позднее – Закир Бакиров) и Отар Тактакишвили. Отар Васильевич с истинно грузинским темпераментом называл меня «мой молодой азербайджанский друг».

Я заслужил его благорасположение, как он сам говорил, своей искренностью, любовью к Грузии и грузинской культуре. Батоно Отар обещал мне посодействовать восстановлению Азербайджанского театра в Тбилиси. Об этом мы мечтали, сидя в зале этого театра, превращенного в Дом народного творчества, с Айдыном Замановым, замдиректора этого дома творчества, отец которого работал ранее директором Тбилисского Азербайджанского театра, позже закрытого. Эта же идея занимала нас с Сулейманом Сулеймановым, заместителем редактора, затем главой редакции газеты «Совет Гюрджистаны», депутатом парламента Грузии. Кстати, Сулейман внёс большой вклад в развитие нашей литературы и культуры в соседней стране и поныне продолжает эту миссию.

Ещё один создатель духовных мостов между нашими народами – молодой талантливый поэт и переводчик Имир Мамедли, лауреат государственной премии Грузии. Я знаком с ним со времён его литературного дебюта. Он писал стихи и на грузинском языке – факт весьма примечательный!

А в центре Тифлиса действовал армянский театр! В чем дело? Может, армяне любят грузин больше, чем мы? Мы даже свои тифлисские спектакли, в основном, показывали в этом здании.

Батоно Отар мне говорил, что он поднимал вопрос о восстановлении в Тбилиси азербайджанского театра, но и в министерстве, и в ЦК твердят, что, дескать, у этого театра не будет зрителей...

Я отвечал, что на спектакли нашего театра народ валом валит...Может, мне сделать фотографии и вы покажете им?..

Да, я с детства обожал Грузию, грузинскую литературу, гордился известными грузинскими футболистами (Месхи, Метревели, позднее Хурцилава, Урушадзе, Кипиани, Гуцаев, Шенгелия...), не уставал в присутствии армян хвалить грузинские фильмы (армянские националисты не переносили грузин).

Откуда эта любовь?

Это на уровне подсознания! Это интуиция!

Я уже в детстве подсознательно, видимо, чувствовал, что в будущем буду бесконечно любить грузинский народ, его культуру. Вот почему мое искренне теплое отношение к со-

седней стране вполне естественно, и когда я жил и работал в Иреване, я не скрывал своей любви.

Любовь к Борчалы, Тифлису, всей Грузии жила в моей душе всегда. В дальнейшем в связи с моей служебной деятельностью я еще глубже узнал этот край. С известными мастерами грузинской литературы – Гурамом Панджикидзе (светлая ему память), Тамазом Чивчи-вадзе, Джансугом Чарквиани и другими мы обсуждали широкий круг вопросов.

Неслучайно ведь крупный политик и государственный деятель Эдуард Шеварднадзе на торжествах в Баку, посвящённых 80-летию со дня создания Азербайджанской Демократической Республики, говорил: «Всемирно известна личная дружба достойных и выдающихся сынов наших народов. Будет уместно отметить дружеские взаимоотношения М.Ф.Ахундова и Акакия Церетели. Эта традиция продолжалась и в тяжелые для наших народов периоды. Самед Вургун и Георгий Леонидзе, Гидаят Оруджев и Гурам Панджикидзе – яркие продолжатели этой прекрасной традиции».

Гурам покинул наш мир – ушёл в вечность. Его семидесятилетие отмечалось без него. Я отправил участникам юбилейного вечера письмо. И насколько мне известно, только оно было озвучено на этом грандиозном мероприятии.

***

В 1977 году наш театр в Иреване по формальному календарю должен был отметить десятилетие своей новой истории – прерванной по непонятным мотивам сразу после войны.

Однако десятилетних театров-именинников на свете можно найти множество, и такие мини-юбилеи напоминают первоклашек, ещё не определившихся в жизни, не выбравших своего пути. Между тем Азербайджанский театр в Иреване своими успехами и сценическими удачами преемственно был связан с традициями национального театрального искусства, и эти традиции уходили в историческую давность.

И когда руководство министерства культуры Армении заинтересовалось этим вопросом, мы, не готовившиеся отмечать десятилетие, ориентировочно начали отсчёт возраста театра с двадцатых годов и сообщили, что необходимо юбилейное торжество посвятить 50-летию государственного театра...

Это предложение, разумеется, было неожиданным и поставило руководство в тупик. Это меняло масштабы резонанса предстоящего события: 50-летие государственного театра предполагало длительный путь развития, исключало возможность создания нового театра «на пустом месте», без накопленного опыта и потенциала. Если отмечать полувековой юбилей театра, то нужно будет перелистать историю азербайджанского театра в Армении, донести это до общественности, и станет ясно, что наши соотечественники очень и очень давно создали в Западном Азербайджане – на своей историко-этнической земле – большую культуру, что наше искусство до создания Государственного театра прошло длинный и интересный путь развития. Государственный театр на пустом месте создать невозможно, и чтобы завоевать этот статус, культура должна подняться на определенный уровень. Об этом знали и в ЦК, и в Министерстве культуры республики. Поэтому сразу начались претензии, что это новый театр, создан в 1967 году после длительной паузы и т.д.

Я был готов к таким отговоркам – «пауза», на которую ссылались кабинетные начальники, заключала в себе манипуляции с театром, в 1947 году переведенного в Басаркечарский (Варденисский) район, то есть, пониженного в статусе, а затем преобразованного в Азербайджанский народный театр в Зангибасарском (Масисском) районе. Новый театр, согласно решению правительства, был создан на базе этого театра, то есть история азербайджанского театра в Армении за последние 50 лет не прерывалась.

Аргументы и факты были обоснованны, логичны.

Они за долгие годы работы изучили мой характер и знали, что в принципиальных вопросах я не уступчив, начатое дело умею доводить до конца.

Но «добро» не дали, высокопоставленные оппоненты обязали меня подготовить об-

стоятельную аргументированную справку о пути театра им. Дж.Джаббарлы и представить её в ЦК. Мне не пришлось рыться в архивах, я долгие годы интересовался историей театра, и множество документов, опубликованных статей, буклетов, книг и других материалов на эту тему было у меня под рукой. К тому же в свое время я бывал в архивах, листал публикации на азербайджанском, русском, армянском языках. Так что все было готово.

Перелистывая ту справку, а вместе с ней – свою память, полную интересных фактов, я пришел к выводу, что вехи истории нашего старинного театра могут быть интересны и сегодняшнему читателю.

***

Наш Иреванский театр, являвший собой привлекательную сцену и трибуну нашей национальной культуры, проступает сквозь ещё не остывшее пепелище тысячелетнего бытия, оставшегося в Армении, подобно легендарному Фениксу.

Без существования наших предков, вне их духовного бытия, высокого уровня развития такой театр не мог бы возникнуть, жить и иметь обратную связь с народом. Азербайджанский театр в целом начинался с любительских трупп, прежде чем достичь профессионального уровня сценического искусства. История этого театра должна быть внимательно и с любовью перелистана, славный путь этого очага искусства, перешагнувшего свое 135-летие, должен быть с уважением и по достоинству оценен.

Точных сведений о «первой постановке» у нас нет; но информация о втором спектакле достоверно известна: 2 апреля 1882 года в зале Иреванской женской гимназии Гаяяна азербайджанскими любителями театра был поставлен спектакль – трехактная комедия «Жадность навлечёт врагов».

Выходящая в Иреване газета «Псак» («Венец») за 10 апреля того же года в обширной статье о спектакле писала: «Авторы пьесы – Мешади Исмаил и Васак Мадатов. В роли Мешади Фараджа выступил Назми, в роли Мамедгулу – Халил Гаджиев, в роли Фатали Мирзы – Рустам Аббасгулуханов. Спектакль во второй раз сыгран на языке азербайджанских тюрков...»

Произведения Мирзы Фатали Ахундова в Иреване читали и армяне. Драматургия Ахундова стала альфой и омегой Иреванского театра.

Наджафбек Везиров в 1875 году в Иреване написал комедию «Картина домашнего воспитания». В 80-90-х годах девятнадцатого столетия была издана книга Рагима Халилова о представлениях «шабих» (мистериях). В ряду спектаклей того периода – «Брак поневоле» Т.Рзаева, «Мусье Жордан и дервиш Мастали-шах», «Незримая шаль», «Гырт-гырт», «Ревизор», «Кровавый очаг», «Вэтэн», «Гаджи Кара», «Из огня да в полымя», «Вечерний чих – к добру», «Дурсунали и баллыбады»... Все это – неопровержимые факты, свидетельствующие о широком репертуаре, богатом опыте театра.

На стыке XI – XX веков неопределимую роль в развитии общественной мысли и истории нашей культуры сыграли самоотверженные подвижники Мирза Гадим Иревани, Мирза Исмаил Безми, Фирудин-бек Кёчарли, Джалил Мамедкулизаде, Джаббар Аскерзаде, Аббас Мамедзаде, Али Мехзун, Гашиббек Нариманбеков...

Азербайджанский театр в Иреване формировался в русле наших национальных традиций сценического искусства, на этой почве рос и развивался. Конечно, в профессиональном становлении Иреванского Азербайджанского театра благотворную роль сыграла связь с выдающимися мастерами сцены Азербайджана. В 1909 году в Иреване с аншлагом прошли спектакли «Несчастный юноша» (Н.Везиров), «Надир-шах» (А.Ахвердиев), «Лекарь поневоле» (Мольер) с участием прибывших на гастроли прославленных актёров Г.Араблинского, С.Рухуллы, И.Агаева, Дж.Багдадбекова, восхитивших зрителей, а также молодых актёров-любителей Иреванского Азербайджанского театра. В 1911 году эту традицию продолжили в Иреване Мирзага Алиев, Геярчин ханум, Зульфигар Гаджибеков. Эти неразрывные связи продолжались на протяжении всей истории Иреванского Азербайджанского театра.

В 1910-1917 годах выросла новая смена местных артистов – Мехти Кязимов, Юнис Нури, Меджид Раджабов, Асифбек Шафибеков, Али Махзун Рагимов, Мир Аббас...

В 1913 году Али Рагимов с Аскером Ахундовым учредили «Иреванскую драматическую компанию», которая поставила спектакли «Кто виноват?», «Любимое чадо», «Не стучи в дверь мою – постучатся в твою», «Лекарь поневоле», «Не та, так эта», «Несчастливая семья», «Брак поневоле», «Разорённое гнездо», «Кузнец Гяве». А.Наджафов, М.Марданов, М.Кирмяншахлы, Тарлана ханум сыграли в этот период спектакли «Мертвецы», «Несчастный юноша», «Аршин мал-алан», «Асли и Керем». Араблинского под бурные аплодисменты неоднократно вызывали на сцену.

...Приведённые факты говорят о богатой истории Азербайджанского театра в Ирване.

В упомянутой выше справке акцент делался на освещение последних пятидесяти лет в деятельности театра, который всегда являлся частью общеазербайджанской сцены, подавшей ей талантливую плеяду артистов, режиссёров, театральных художников.

С другой стороны, наш театр установил творческие связи с коллегами из других республик и внёс весомую лепту во взаимообогащение сценической культуры. В начале тридцатых годов на сцене театра блистал яркой игрой выдающийся азербайджанский актер Кязим Зия, как режиссер сыгравший значительную роль в профессиональном развитии коллектива.

С нашим театром связано творческое восхождение таких мастеров сцены, как народный артист СССР Исмаил Дагестанлы, народный артист Азербайджана и заслуженный артист Армении Али Зейналов, заслуженный деятель искусств обоих республик Бахши Калантарли, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Ашраф Кулиев, заслуженные артисты Атая Алиева, Имамверди Багиров и другие.

Свою творческую судьбу с нашим театром навсегда связали заслуженные артисты Армянской ССР Мамедбагир Караханов, Зарик Терян, Юнис Нури, Али Шахсабахлы, Нварт Алиханова, Джамиль Алиев, Абасгулу Тагиев, молодая смена театра – Шамиль Демирчиев, Тамилла Абдуллаева, Мариэтта Керимова, Эльмира Исмаилова, Видади Алиев, Айдын Алиев, режиссёр Тофик Агаев...

Известные армянские режиссеры, актеры, театральные художники и композиторы были связаны с Азербайджанским театром в Ирване. На его сцене осуществляли интересные постановки известные армянские режиссёры Л.Калантар, А.Гулакян, В.Вагаршян, А.Бурджалов, В.Вартанян, В.Аджемян, А.Григорян, в ряде наших спектаклей выступали такие мастера сцены, как В.Папазян, Г.Нерсисян, Г.Абелян, А.Аветисян.

Значимое место в репертуаре занимала азербайджанская и армянская классическая драматургия (М.Ф.Ахундов, Г.Сундукян, Дж.Мамедкулизаде, А.Ширванзаде, А.Ахвердиев, Н.Везиров).

В разные годы театр смело обращался к произведениям русских и европейских классиков: «Отелло» (Шекспир), «Лекарь поневоле» (Мольер), «Без вины виноватые» (Островский), «Платон Кречет» (Корнейчук) и др. Наш театр в Ирване, начавший действовать в 1928 году, с 1935 года носит имя основоположника азербайджанской советской драматургии Джафара Джаббарлы. Его творения – «Севиль», «В 1905 году», «Яшар», «Айдын», «Невеста огня» составляли основу репертуара театра. Наш репертуар расширяли лучшие образцы советской драматургии (произведения С.Вургуня, М.Ибрагимова, С.Рустама, Г.Мдивани, С.Рахмана, И.Касумова, А.Макаёнка и других авторов).

В репертуаре нашего театра всегда подбожающее место занимала армянская драматургия. Театр, с одной стороны, ознакомил своих зрителей с лучшими произведениями классической и современной армянской драматургии, с другой стороны, широко пропагандировал среди армянского народа азербайджанскую драматургию.

Поскольку театр имени Дж.Джаббарлы был в Армении единственным профессиональным азербайджанским театром, то в его репертуаре всегда были музыкальные комедии и оперетты.

***

Мы выше упомянули о чиновнических манипуляциях со статусом нашего театра, в сентябре 1949 года переселённого из столицы Армении на периферию, в Басаркечарский (Вар-

денисский) район республики. По различным причинам основной часть труппы не смогла переселиться на новое место работы (А.Шахсабахлы, Н.Алиханова, А.Алиева, Дж.Алиев и др.). Возникли такие сложные проблемы, как новое комплектование труппы, соответственно, перестройка репертуара и др.

Кроме того, если учесть, что в Басаркечарском районе, расположенном далеко от Иревана, театр создавался впервые, а помещение районного ДК, где разместился театр, функционально не отвечало требованиям театра, то можно наглядно представить трудности и проблемы, с которыми столкнулось руководство театра – директор и главный режиссер Б.Калантаров. Но надо отдать им должное – оба они с честью вышли из этого испытания.

Достаточно сказать, что в начале пятидесятых годов в репертуаре театра значились новые спектакли – «Айдын», «Вагиф», «Вешние воды», «Добро пожаловать» (Сабит Рахман) и другие пьесы. Ядро труппы составляли переехавшие из Иревана актеры (Караханов, Тагиев, Мамедова, Мамедов и другие), появились и новые имена (М.Агаева, М.Фарзалиева, Ахмедов, Джафаров и другие дебютанты).

Два года (1950 – 1951 годы) театр обслуживал местную азербайджанскую публику – это было население приозерного региона, жившего в окрестностях легендарной Гейчи (Севана). Театр в прямом смысле слова вошел в жизнь народа.

Но в 1951 году театр по неизвестным причинам был вынужден прервать свою деятельность. Однако наши зрители в Армении не остались без театра. Энтузиасты сцены обосновались в посёлке Тезе-Ареш под Иреваном, в Зангибасарском районе. «Перемена декораций» – мы уже именовались «народным театром» – не отражалась на содержании сценического общения со зрителем. А зрителем был наш народ! Помимо стабильно действующего состава, имевших почётные звания режиссёров – А.Шахсабахлы, Б.Калантарлы, заслуженного артиста республики М.Караханова, А.Алиева, Дж.Алиева, Ш.Алиевой, Г.Исмаилова и других, в ряде спектаклей этих народных театров выступали также не потерявшие связь с родным коллективом Зарик Терян и Нварт Алиханова, работавшие штатно в армянских театрах.

Зангибасарский народный театр (позднее стал называться Разданским) в 1956 – 1966 годах обогатил репертуар за счет произведений азербайджанских драматургов, подготовил также несколько музыкальных комедий. При всей воодушевлённой энергии и энтузиазме, любительский коллектив не мог функционировать в качестве профессионального театра. Поэтому в республике ощущалась острая необходимость в возрождении Азербайджанского государственного драмтеатра.

Это событие произошло в 1967 году.

В старом Иреване стали заполняться новые страницы жизненной летописи Азербайджанского театра.

...Всю изложенную выше информацию я зафиксировал в справке, представленной в ЦК, в министерство культуры Армении. Долго судили-рядили, по многу раз автору этих строк пришлось участвовать в жарких дебатах.

Наконец мне поручили составить проект письма в ЦК на двух страницах от имени министра культуры республики. Это было показателем полного согласия и, как они говорили, доверия и уважения ко мне. Проект был подписан почти без корректив. Итак, настал конец этой бюрократической эпопеи! Бюро ЦК КП Армении приняло постановление: отметить 50-летие Азербайджанского драмтеатра в Иреване в республиканском масштабе!

14 апреля – в день рождения театра – республиканские газеты опубликовали указ о награждении нашего театра Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Армянской ССР. Торжественный юбилейный вечер был назначен на 29 июня.

В печати обеих республик широко публиковались материалы о нашем театре, на радио и телевидении готовили передачи с обширной программой.

Радости нашего коллектива не было предела, стали забываться тяжесть и горести пройденного тернистого пути.

***

Не думайте, что пройденные нами дороги всегда были гладкими. Чтобы воплотить задуманное в жизнь, убедить всех в своей правоте, мне часто приходилось сталкиваться с должностными лицами разного уровня, вступать в споры, а когда надо – стучаться в двери тех, кто сидит повыше.

В повести Вардгеса Петросяна «Последний учитель» выведен отталкивающий тип опасного партийного функционера – Канканяна, ответственного работника райкома партии. По должности он не опасен. Опасны были его убеждения, взгляды.

Мне довелось столкнуться в жизни со многими подобными типами, расскажу об одном. По занимаемой должности он тоже не был опасен (секретарь Иреванского горкома партии по фамилии Степанян курировал идеологию, теперь, кажется, занимает более высокую должность), но был опасным по убеждениям, взглядам, идеям.

И вот однажды звонит мне инструктор горкома, мол, тебя вызывает товарищ Степанян.

– С чего это?

– Интересуется театром.

Инструктор был со мной на короткой ноге, поэтому засмеялся и добавил: «По правде говоря, пусть это останется между нами, да и что он может решить...»

Я явился на приём. И увидел холодное выражение на лице партийного секретаря. Я начал с проблем театра. Хозяин кабинета нажал на кнопку селектора, кому-то что-то поручил, похоже, не слушая меня, не считая нужным извиниться, что отвлекается, через несколько секунд снова, подняв трубку, произнёс несколько фраз, совершенно не относящихся к теме разговора, хохотнул и дал отбой (инструктор, сидевший напротив меня, испытывая неловкость, залился краской). Смех секретаря прозвучал декоративно-холодно и истаял как мыльный пузырь. Как только он поднял трубку, я перестал говорить. Когда он положил трубку, я снова молчал.

– Так... Говорят, вы приняли на работу двух актёров, не прописанных в городе Иреван?

– Да, это так... Я только что вам говорил о жилищной проблеме... Эти актёры – выпускники Азербайджанского института искусств. Пришли в наш театр по запросу министерства культуры Армении, по направлению института. Мы их приняли на работу, направили их документы в паспортный стол, чтобы они прописались в нашем общежитии. Через месяц их прописали. Здесь ничего незаконного не было.

– Месяц жить и работать в Иреване без прописки? Если каждый начальник сначала будет принимать человека на работу, а после прописывать... тогда Иреван раздуется, и до каких размеров? И на периферии людей не останется...

– Они не с периферии прибыли, а из Баку. Мы обязаны принимать на работу молодых специалистов, прибывших по направлению. Во-вторых, театр уже одиннадцать лет не получает квартир... Этот вопрос должен больше тревожить вас... Кроме того, театру нужна, как воздух, молодая смена. Что же тогда нам делать? Закрыть, что ли, театр?

– Надо будет – и закроем, – секретарь побарабанил пальцами по столу.

– Сейчас театры новые открывают, секретарь, а не закрывают! А этот театр был открыт не по вашей милости, чтобы вы его закрывали! – я еле сдерживал себя, чтобы не сказать более резкие слова.

В этом месте разговора секретарь воистину выглядел как опасный тип:

– Вы забываете, где находитесь. Вы должны знать и то, на каком языке разговариваете! – секретарь ударил кулаком по столу.

– Я нахожусь в горкоме партии и разговариваю на армянском языке, – я собирался встать.

– Мы говорим на языке партии.

– Ваш язык – это не язык партии, у вас не хватит сил говорить на этом языке, – я выговорил это уже стоя.

– Кто вам разрешил встать?

– Я не солдат того бедного лейтенанта на военном учении... – Конечно, из сказанного мною секретарь ничего не мог понять, поэтому я уточнил: – Но и вы не похожи на того бедного лейтенанта, вы есть тот самый Канканяня!

– Кто такой этот Канканяня? – секретарь повернулся к инструктору.

В этом кабинете он никогда не слышал таких слов, не сталкивался с таким поведением, поэтому испугался не на шутку.

– Прочтите хотя бы «Последнего учителя» Вардгеса Петросяна! – сказал я, покидая кабинет.

В приёмной и секретарша, и ожидавшие приёма посетители оцепенели. Очевидно, мой раздражённый голос донесся до них сквозь толстые, обитые кожей двери кабинета. Инструктор, выскочивший следом, догнал меня в коридоре:

– Гидаят Худушевич, прошу вас, вернитесь, попросите извинения...

– У кого?

– У секретаря.

– Я сказал эти слова не для того, чтобы извиниться.

– Знаете... – инструктор понимал, что после моих слов ему тоже попадет, поэтому пытался уговорить меня, – вы честный человек, но вы не знаете, что здесь снимают с должности, исключают из партии секретарей, министров...

– Я не секретарь и не министр, я писатель. Если мой партийный вопрос или вопрос, связанный с моей работой, будет решать он (я показал на кабинет Степаняна), то пусть решает, посмотрим...

Инструктор дрожал от напряжения. Я предложил ему сигарету. Он обрадовался, закурил, видно, подумал, что, покурив, я успокоюсь, и он начнет снова уговаривать...

– Гамлет! – сказал я. – Я никогда не попрошу у него извинения. Он идиот! Так и передай ему!

Попрощавшись, я направился к выходу.

Перейдя через дорогу, из комендатуры ЦК, расположенной напротив горкома, позвонил заведующему отделом культуры ЦК. Завотделом догадался, что звонок вызван чем-то неординарным. Через полчаса я был у него, рассказал о диалоге с секретарём. Завотделом огорчился, испытывая досаду. Поразмыслив, позвонил первому секретарю райкома 26 комиссаров (слово «Бакинских» убрали из названия района).

Завотделом заступился за меня. Добавил, что наш театр – «образец для всех театров города».

Но этот звонок тоже не был последним в этом эпизоде. Завершающая точка была поставлена случайно. Так, по мотивам «Последнего учителя» был поставлен спектакль, который произвел сенсацию из-за поднятых там острых проблем.

Чтобы посмотреть спектакль Иреванского драматического театра, я пошел на одну из премьер.

Во время антракта художественный руководитель театра Г.Каплянян, сообщив мне, что В.Петросян тоже здесь, пригласил в комнату за директорской ложей.

В комнате были и другие гости, среди них – тот самый секретарь горкома. Когда он меня увидел, изменился в лице. Разговор шел о спектакле. Секретарь горкома уже видел на сцене Канканяня, но еще не знал о его дальнейшей незавидной судьбе во втором акте.

Автор и режиссёр пригласили меня в ложу, но я отказался под благовидным предлогом. После спектакля Петросян и худрук подвезли меня домой. В машине В.Петросян неожиданно спросил меня о «пикировке» с секретарем.

– А вы откуда знаете?

– Все в городе знают... И ЦК, и горком, и Союз писателей... Тот день и Гурген (имеется в виду министр культуры Г.Аракелян) рассказывал этот случай и смеялся. На самом деле все так было?

Я рассказал все, как было. Оба захохотали, шофер тоже присоединился к ним.

Я спросил:

– Сегодня он сам пришел посмотреть спектакль, или...

– Да что ты, не видел разве, что все руководство города было в зале. Горбатого и могла не исправить. Но он ушел сильно омраченным...

...Позднее эта пьеса была успешно поставлена и в нашем театре. В.Петросян с супругой Сона-ханым посмотрели премьеру. Когда Канкян уходил со сцены, автор пьесы повернулся ко мне:

– Твой герой получился очень удачным...

Играл эту роль Сулейман Наджафов.

Конечно, какие выводы сделал Степанян после просмотра спектакля, я не знаю, однако прощать мне того, что я в его собственном кабинете вывел его на чистую воду, однозначно не собирался. Я чувствовал, что он ищет повод.

Но эту историю уже знал весь город.

***

Полувековой юбилей нашего театра был отмечен более чем сотней приветственных телеграмм в наш адрес.

Актёры А.Тагиев, Ш.Демирчиев были удостоены звания заслуженных артистов Армянской ССР, почётной грамотой Президиума Верховного Совета республики были награждены заведующий музыкальной частью К.Мискаров и зав. постановочной частью А.Бедалов. Я был удостоен почётной званием Заслуженного деятеля культуры Армянской ССР.

Добрые слова в печати адресовали мастерам сцены народный артист СССР Гурген Джанибеков, режиссёр Грачья Капланян. На торжественном юбилейном вечере с участием членов Бюро ЦК КП республики председатель Президиума Верховного Совета республики Б.Саркисов, поздравляя коллектив театра, сказал: «Дорогие братья и сестры, с праздником! Вы уже полвека идёте к этому празднику».

Глава азербайджанской делегации М.Шейхзаманов преподнёс театру дар – портрет легендарного Фархада.

Поздравления и пожелания дальнейших успехов прозвучали в телеграмме от имени министерства культуры СССР, от министерства культуры Азербайджана. «Желаем вам, дорогие друзья, новых творческих вершин во втором пятидесятилетии вашей сценической жизни...» – говорилось в послании Союза писателей Азербайджана. Редакция газеты «Совет Гюрджистаны» в приветственном послании отмечала, что театр «обогащает новыми страницами летопись дальнейшего упрочнения древней дружбы закавказских народов».

Продолжением юбилейных торжеств явились ноябрьские гастролы театра в Баку в 1978 года.

В канун гастролей у нас состоялась обстоятельная двухчасовая беседа с министром культуры Азербайджана Закиром Багировым. Отмечу, что Закир Багиров в ходе наших гастролей оказывал нам всемерную поддержку, за что я с благодарностью вспоминаю о нём.

С глубокой признательностью думаю и о тогдашнем директоре Театра музыкальной комедии Бале Касумове – он предоставил здание театра в распоряжение гастролирующего коллектива (с символической арендной оплатой). Бала Касумов в связи с этим изъясил из репертуара своего театра часть спектаклей или же переадресовал выступления.

Мы показали спектакли «Зачем ты живёшь?», «Ещё одна жертва», «Пока любовь живёт на свете», «Сказка близнецов», «Насреддин», «Золотой цеп». Две недели длились гастролы (включая и дневные спектакли), сопровождаемые неизменными аншлагами.

Нас посетил из «старой гвардии» Али Зейналов, пришёл повидаться с бывшими партнёрами и коллегами. Любопытно, что контролёры не пропустили знаменитого нашего друга в помещение; я поручил пригласить его в зал. Али не скрывал своего радостного изумления:

– Подойдя ко входу в театр, я вспомнил сороковые-пятидесятые годы. Сколько же у вас зрителей!...

26 ноября 1978 года. Заключительный «аккорд» бакинских гастролей.

Газеты опубликовали указ о присвоении театру Почётной грамоты Президиума Вер-

ховного Совета Азербайджанской ССР. Мне сказали, что Гейдар Алиев намерен посмотреть один из наших спектаклей. Но Гейдар Алиев, будучи тогда кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, дважды отбывал в Москву, на заседания Политбюро, а в республике в те дни проходили масштабные форумы, поэтому он не смог посетить наши спектакли, но позаботился о том, чтобы нашему театру было оказано внимание на высоком уровне государственного протокола.

География наших гастролей включала в себя и места компактного проживания азербайджанцев в Грузии – Башкечид (Дманиси), Сарван (Марнеули), Тифлис, Гараязы. Назревала идея создания Азербайджанского театра в Марнеули. На исходе семидесятых годов власти Грузии приняли решение о подготовке к реализации этой идеи. К сожалению, решение осталось на бумаге. Позднее по распоряжению Президента независимой Грузии Эдуарда Шеварднадзе в соседней стране были проведены мероприятия по созданию Тифлисского государственного азербайджанского драматического театра, и наконец этот театр открылся.

Без ложной скромности скажу, что, будучи государственным советником Азербайджанской Республики по национальной политике, при встречах с Э.А.Шеварднадзе я регулярно поднимал этот вопрос, доложил об этом нашему лидеру Гейдару Алиеву, по его поручению подготовил и представил справку. Во время официального визита Гейдара Алиева в Грузию в марте 1996 года этот вопрос обсуждался на уровне глав государств, после чего был дан старт его решению.

В 1976 году предстояли гастроли Азербайджанского театра музыкальной комедии имени Шихали Курбанова в Иреване. Все официальные подготовительные документы, письмо министра культуры Азербайджанской ССР, были получены. Дело дошло до министра культуры Армении, он позвонил мне (обычно в таких случаях контакт осуществляется на уровне замминистра или начальника управления). То, что я услышал от министра культуры Армении, меня озадачило: «Азербайджан обратился по поводу гастролей театра Музкомедии в Иреван. Ведь это мешает вам, не так ли?». Я понял сразу: министр очень хочет, чтобы я сказал «мешает» и поблагодарил за внимание к нашему театру. Но я ответил: «нет»: «Гастроли бакинского театра не мешают нам, ибо наш коллектив к тому времени будет находиться за пределами Армении».

Директор театра Музкомедии Бала Касумов до этого говорил со мной по поводу ирванских гастролей. Конечно, я обещал, что с удовольствием поможем, однако предчувствовал: чтобы помешать гастролям театра Музкомедии, могут использовать фактор нашего театра. Поэтому заранее были запланированы гастроли нашего театра в Грузию....

Выступления театра Музкомедии прошли с большим успехом. Много времени спустя армянский министр при встрече со мной поинтересовался, не без иронии задав вопрос:

– Как же вы строите работу, что сюда наезжают столько бакинских коллективов, но не мешают вам?

– Это сложный механизм, не буду раскрывать его, иначе другие театры намотают на ус, – в тон ему ответил я, – но коллективы, приезжающие из Азербайджана, действительно нам не мешают. С другой стороны, нельзя же оставить сотни тысяч проживающих здесь азербайджанцев на попечение только одного театра. К тому же, среди них очень много театралов...

Министр выслушал меня с улыбкой, но сказанное мною, несомненно, пришлось ему не по душе.

Сейчас я иногда говорю себе: некоторые дела остались незавершенными, некоторые проблемы – нерешенными. Опять возвращаюсь в те годы и ясно вижу: я ничего не пожалел для решения всех вопросов, а чего не смог сделать, так это просто сил не хватило, возможности не было.

(Окончание следует)